К 90.5-1
Т 18

ТРУДЫ

ОРЛОВСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Историческіе очерки города Карачева.

ЧАСТЬ 1-я.

Составили Члены Коммиссіи: { Г. Пясецкій и
В. Никольскій.

ОРЕЛЪ.
Типографія С. А. Зайцевой.
1889.

Печатано съ разрѣшенія г. Орловскаго губернатора. Ноября 5 дня 1888 г.

ТРУДЫ

Орловской Ученой Архивной Коммиссіи

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ГОРОДА КАРАЧЕВА

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ЦЕРКОВНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Окр. Цевто, Библиотека г. Орла
Отдел выдач.
№
Т. Крупской

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ древнѣйшихъ временъ до совершеннаго раззоренія г. Карачева въ смутное время (1618 г.).

Составили Члены Орловской Ученой Архивной Коммиссіи

Г. Пясецкій и В. Никольскій.

ОРЕЛЪ.
Типографія С. А. Зайцевой.
1889.

Оглавленіе 1-й части.

I. Древность города Карачева.

II. Исторически-достовѣрныя свѣдѣнія о городѣ Карачевѣ въ эпоху удѣльнаго періода.

III. Періодъ Монгольскаго и Литовскаго владычества надъ городомъ Карачевомъ.

IV. Время Крымскихъ набѣговъ на окрестности г. Карачева въ первое время Московской зависимости.

V. Бѣдствія смутнаго времени для г. Карачева и его уѣзда.

Историческіе очерки города Карачева.

I.

ДРЕВНОСТЬ ГОРОДА КАРАЧЕВА.

Названіе г. Карачева.—Характеръ Аварскаго и Козарскаго владычества надъ древними обитателями г. Карачева.—Начало Русскаго владычества надъ Вятичами.—Заставы въ окрестностяхъ г. Карачева.—Соловей-разбойникъ, рѣка Смородина и село Девяти-Дубы.

Городъ Карачевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ городовъ нашего отечества, которые своею древностію превосходятъ самое Русское государство. О древности этого города свидѣтельствуетъ самое его названіе *Кара—чевъ*,—что съ тюркскаго языка значитъ—*черный лѣсъ*. Такое названіе, по всей вѣроятности, усвоено было Карачеву Аварами, господствовавшими въ предѣлахъ Россіи со времени „Великаго переселенія народовъ“,—или же Козарами, владѣнія которыхъ, въ VIII вѣкѣ по Р. Христов., простирались отъ юго-восточныхъ береговъ Чернаго моря до Волги и отъ Каспійскаго моря до верховьевъ Оки, а съ подчиненіемъ южно-русскихъ славянскихъ племенъ—до береговъ Днѣпра; въ числѣ послѣднихъ племенъ были и первоначальные обитатели нашего края Вятичи съ г. Карачевомъ.

Преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ, съ особенною выразительностію передаетъ намъ о жестокомъ и надолго памятномъ для славянъ господствѣ Аваръ или Обровъ; эти, по замѣчанію лѣтописца, „тѣломъ велици, а умомъ горди“ варвары, „аще поѣхати бяше, не даваше впрячи ни коня, ни вола; повеляше впрячи три, или четыре, или пять женъ въ телѣгу, и повести Обрина“. [1]) Такими грубыми насиліями и ограничиваются всѣ лѣтописныя свѣдѣнія о господствѣ Обровъ, по поводу безслѣднаго исчезновенія которыхъ сложилась на Руси пословица, записанная лѣтописцемъ: „погибоша аки Обри, ихъ же нѣсть ни племени наслѣдокъ“. [2]).

Козары, по характеру своего владычества надъ славянами, не походили на своихъ бродячихъ предшественниковъ, оставлявшихъ по себѣ одни слѣ-

[1]) Лѣтопись Нестора стр. 11.

[2]) Ibd.

ды насилія. Козары требовали отъ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ одной дани, во-время и безъ насилій собиравшейся сперва „по бѣлѣ и вериць отъ дыма“, т. е. по бѣлкѣ и горностаю съ дома; а впослѣдствіи — „по шлягу отъ рала“. Владычество это было тѣмъ сноснѣе и терпимѣе для Вятичей, что Козары владѣли ими только совнѣ и не касались до внутренняго ихъ быта.

Какъ степные и кочевые народы, Авары и Козары нуждались, для своихъ частыхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, въ телѣгахъ, и, вѣроятно, нашъ Карачевъ, расположенный въ полосѣ чернаго лѣса, служилъ для кочевниковъ однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, откуда они получали для себя телѣги въ видѣ повинности, вполнѣ возможной для Вятичей въ періодъ ихъ гражданскаго младенчества и первоначальной осѣдлости. По крайней мѣрѣ, сосѣднему съ Карачевомъ городу было усвоено тѣми же народами названіе *Трубчевска*, т. е. города въ телѣжномъ лѣсу. Быть можетъ, и упоминаемое русскимъ лѣтописцемъ „впряганіе“ славянскихъ женщинъ въ телѣги — было ничто иное, какъ насильственное доставленіе телѣгъ посредствомъ многострадальныхъ славянскихъ женщинъ, замѣнявшихъ на этотъ разъ собою какъ бы домашній скотъ. Какъ бы то ни было, только телѣжное производство, на ряду съ добываніемъ мѣховъ, является древнѣйшимъ и обычнымъ занятіемъ обитателей лѣснаго Карачева и его окрестностей. Несомнѣнно однако, что въ эпоху владычества Козаръ Вятичи знали выгоды и земледѣлія; такъ какъ тѣ же Козары нашли возможнымъ впослѣдствіи замѣнить естественную ихъ повинность звѣриными шкурами на дань „по шелягу отъ рала“. На такой дани засталъ Вятичей князь Святославъ Игоревичъ въ 964 году [3]).

Дань, которую Вятичи платили Козарамъ *отъ рала*, показываетъ, что въ это время они начали выходить уже изъ чащи лѣсовъ на ихъ окраины и селиться тамъ, гдѣ удобнѣе было распахивать землю и надежнѣе ввѣрять ей сѣмена своего посѣва. Дѣвственныя еще тогда поля наши лучше настоящаго обезпечивали труды земледѣльца; но нельзя думать, чтобы земледѣліе у Вятичей, на первыхъ порахъ осѣдлой ихъ жизни, было развито больше собственныхъ ихъ нуждъ и домашнихъ потребностей, — до сбыта жизненныхъ продовольствій за предѣлы своего племени. Вятичи долго тяготѣли къ лѣсамъ, гдѣ скрывался главный ихъ промыселъ, не требовавшій отъ нихъ столькихъ трудовъ, сколькихъ требуетъ отъ земледѣльца его мирный

[3]) Лѣтоп. Нестора, стр. 56.

плугъ, и только впослѣдствіи могли уже пользоваться выгодами хлѣбной торговли.

Добытые въ теченіе зимы и осени мѣха пушныхъ звѣрей, а также медъ и воскъ составляли главный предметъ ихъ торговли по тремъ воднымъ путямъ, сходившимся въ землѣ Вятичей. Ближайшее положеніе Десны, протекавшей въ западныхъ предѣлахъ Вятичей, давало имъ возможность принимать участіе въ торговыхъ походахъ ильменскихъ и другихъ сѣверныхъ племенъ къ Царю-Граду, для сбыта своихъ товаровъ за разныя драгоцѣнности образованной Греціи. Пользуясь впаденіемъ Оки въ Волгу. Вятичи могли на легкихъ ладьяхъ своихъ доплывать дославившагося своимъ богатствомъ и многолюдствомъ Балангіара или Ателя, служившаго долгое время столицею и резиденціею Козарскихъ хановъ [4]); а по р. Дону—до *знаменитаго Саркела* или Бѣлой Вѣжи, стоявшей на лѣвомъ берегу Дона, близь впаденія въ него р. Иловли, и служившей военною крѣпостью, откуда Козары держали Вятичей въ постоянной зависимости чрезъ весь періодъ своего могущества [5]). Этотъ послѣдній путь былъ ближе другихъ къ цѣли и притомъ безопаснѣе, почему, вѣроятно, болѣе другихъ путей и привлекалъ къ себѣ Вятичей. Здѣсь ближайшими посредниками въ дѣлѣ торговли являлись для Вятичей сами Козары, у которыхъ, если кто изъ болѣе богатыхъ Вятичей нуждался въ произведеніяхъ греческаго искуства,—можно было достать все, чѣмъ только торговала съ своими сосѣдями Греція, какъ то: разныя поволоки (ткани), пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ, вино, плоды и разныя мелочи женскаго туалета, къ которымъ не были равнодушны женщины и въ особенности дѣвушки, любившія щеголять своими уборами во время религіозныхъ празднествъ, общественныхъ игръ и т. п. При посредствѣ Козаръ Вятичи впервые познакомились съ греческими монетами и съ тѣми *шлягами*, которыми (по одному отъ рала) должны были ежегодно платить дань Козарамъ, какъ побѣдителямъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что предки наши Вятичи легко мирились съ господствомъ Козаръ, довольствовавшихся только данью и не вмѣшивавшихся во внутренюю жизнь побѣжденныхъ. Здѣсь, во внутреннемъ своемъ быту, Вятичи управлялись, какъ и прежде, своими родоначальниками и старшинами рода, которые давали имъ судъ и расправу. Внѣшнее господство Козаръ даже содѣйствовало нѣкоторымъ образомъ развитію и большей окрѣплости родовыхъ формъ у Вятичей; оно довало имъ нагляднѣе

[4]) «Описаніе Харькова» стр. 101; кн. Больш. чертеж. стр. 47—50.

[5]) Memor. popul. т. III стр. 567—568; Карамз. т. I, примѣч. 87, стр. 46—47.

чувствовать свое единство, понуждало дорожить завѣтными началами племенной жизни и, въ виду различныхъ отношеній къ побѣдителямъ, могло усиливать вліяніе и возвышать авторитетъ самихъ ихъ родоначальниковъ, какъ главъ и князей цѣлаго племени. Вотъ почему племенные князья сохранились у Вятичей долѣе, нежели у прочихъ славянскихъ племенъ и впослѣдствіи не мало препятствовали господству надъ Вятичами русскихъ князей, имѣвшихъ коснуться при своемъ владычествѣ надъ ними тѣхъ сторонъ ихъ жизни, быта, нравовъ, обычаевъ и самой религіи, которыя не только не были затронуты, но еще взлелѣяны и упрочены подъ двухъ-вѣковымъ владычествомъ Козаръ.

Первымъ завоевателемъ нашихъ предковъ Вятичей считается въ русской исторіи великій князь Святославъ Игоревичъ. Въ 964 году Святославъ Игоревичъ предпринялъ походъ на Оку и Волгу: *И иде,* говоритъ о Святославѣ преп. Несторъ, *на рѣку Оку и на Волгу, и нальзе Вятичи, и рече Вятичамъ: „Кому даете дань?“ они же рѣша: „Козарамъ дань даемъ по шелягу (шляху) отъ рала“* [6]). Святославъ побѣдилъ Вятичей; „и покори оныхъ“, говоритъ Татищевъ, „взявъ дань, возвратился“ [7]). Однако самъ Святославъ понималъ непрочность завоеваній на отдаленномъ отъ своей столицы востокѣ, пока не сокрушена здѣсь власть давнишняго соперника русскаго могущества—Козаръ, и потому, уже въ слѣдующемъ 965 году, рѣшился предпринять наступательное дѣйствіе противъ Козаръ. Счастливый походъ этотъ увѣнчался громкою побѣдою Святослава надъ Козарами, выступившими противъ него „со княземъ своимъ Каганомъ“ и проигравшими, подъ личнымъ его предводительствомъ, генеральную битву въ чистомъ полѣ. Теперь, когда многіе изъ Козарскихъ городовъ—въ томъ числѣ и центръ могущества Козарскаго Бѣлая Вѣжа—были взяты и владычество Козаръ было отброшено на далекое разстояніе, Вятичи уже могли считать себя свободными отъ двухъ-вѣковой Козарской зависимости, стоившей имъ не малаго числа мѣховъ и денегъ; но за то они увидѣли себя въ новой зависимости—отъ русскихъ князей. А какъ завѣтною мечтою Вятичей была полная внѣшняя свобода и внутреняя независимость, то они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отложиться отъ русской зависимости и не платить Кіеву возложенной на нихъ дани: *Вятичи же усмотря,* читаемъ въ исторіи россійской Татищева, *что Святославъ пошелъ съ войскомъ къ Дунаю, паки отложились и дани ему не дали* [8]). Это заставило Святослава

[6]) Россійск. лѣтоп. по Никоновск. списку, ч. I стр. 48; Библіот. Росс. историч. ч. I стр. 56.
[7]) Истор. Россійск. Н. В. Татищева, кн. 2, стр. 45.
[8]) Татищевъ кн. втор. стр. 48.

предпринять вторичный походъ для усмиренія Вятичей и снова побѣдить ихъ.

Двукратная побѣда Святослава не привела Вятичей къ совершенной покорности и зависимости отъ русскихъ князей; поэтому великимъ кн. Владиміромъ предприняты были еще два похода противъ Вятичей. Приведенные къ покорностя первымъ изъ этихъ походовъ, Вятичи въ слѣдующемъ 982 году, снова *заратились*. На этотъ разъ они искали себѣ посторонней помощи и ссылались съ степными варварами Печенѣгами, желая заключить съ ними союзъ противъ Владиміра [9]). Но Печенѣги, испытавшіе уже на себѣ силу русскаго оружія, отъ союза отказались; Вятичи снова были побѣждены и обложены двойною данью, въ наказаніе за прежній неплатежъ дани и за безпокойный свой характеръ. Такимъ образомъ попытка Вятичей отстоять свою самостоятельность не имѣла успѣха, но за то и покореніе ихъ стоило для русскихъ князей столькихъ трудностей и походовъ, сколькихъ не потребовало, кажется, для своего покоренія ни одно изъ славянскихъ племенъ на югѣ Россіи. „Вятичъ же, говоритъ Татищевъ, зачавъ отъ Олга, все воюя, едва Владиміръ совершенно покорилъ“, и прибавляетъ: „отъ того имя ихъ противные или злые произошло“ [10]).

Если мы отъ лѣтописныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ препод. Несторомъ о борьбѣ Вятичей съ русскими князьями, обратимся къ другимъ памятникамъ народной жизни,—преданіямъ, сказаніямъ, былинному эпосу, знакомящимъ насъ съ доисторическою жизнію русскаго народа, съ его былою судьбою,—то здѣсь найдемъ нѣкоторые намеки на то, что роковая борьба Вятичей за независимость близко касалась и нашего Карачева съ его лѣсными окрестностями.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Вятичи тотчасъ отложились отъ Кіева, какъ только храбрый Святославъ Игоревичъ, послѣ двухъ побѣдоносныхъ походовъ на Вятичей, ушелъ на Дунай, въ Болгарію. Изъ Болгаріи Святославъ не возвратился, а по смерти его въ Русскомъ государствѣ настали смуты и междоусобія; напомнить о дани Вятичамъ было некому. И вотъ прямоѣзжая дорога къ Кіеву среди Брянскихъ лѣсовъ, по выраженію народной былины,

. . . . . Заколодѣла,
Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
Какъ по той пути-дороженьки
Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживалъ,
На добромъ конѣ никто не ѣзживалъ.

[9]) Библіот. Россійск. историч. ч. I стр. 71; Татищ, кн. 2, стр. 62.
[10]) См. примѣч. его на втор. кн. Истор. Россійск. 27 и 166, стр. 357 и 400.

А стоятъ тамъ три заставушки великія:
Первая застава—во лѣсахъ во Брянскіихъ.
Грязь топучая, корба зыбучая;
А другая—у березы у покляпыя,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи сукахъ.
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; . . .
. . . . . » [11]).

Пользуясь временною неурядицею въ Кіевскомъ княжествѣ и собираясь съ силами противъ Владиміра, Вятичи оградили свои предѣлы крѣпостями и заставами, изъ которыхъ первая—„грязь топучая, корба зыбучая“—была естественною и постоянною союзницею Вятичей; раскинута была эта застава на необозримомъ пространствѣ многихъ сотень верстъ: такъ какъ Брянскіе лѣса составляли съ Муромскими прежде одно непрерывное пространство и представляли, по выраженію лѣтописца, „страну лѣсовъ“, обнимавшую собою нѣсколько нынѣшнихъ губерній.

Послѣ второй „заставы“, у самаго гнѣзда Соловья-разбойника *течетъ рѣка Смородина широкая, бурливая, струйки ея измѣнчивыя, воды опасливыя. . . . . .* [12]). Хотя *рѣка Смородина* или *Самородина* (сама рождающаяся), подобно древне-греческой рѣкѣ Летѣ, безпощадно поглощающей въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее,—приняла въ нашей литературѣ миѳическое значеніе; тѣмъ не менѣе замѣчательно то, что въ 28 верстахъ отъ Карачева есть деревня Смородиновка при рѣчкѣ того же имени. А самое гнѣздо Соловья-разбойника, расположенное, по народной былинѣ, „на трехъ дубахъ да на семи сукахъ“, а по другимъ варіантамъ этой былины—просто „на девяти дубахъ, что вершинами въ небо ввиваются“ [13]),—пріурочивается мѣстнымъ народнымъ преданіемъ къ тому самому мѣсту, гдѣ и доселѣ стоитъ деревня Девяти-Дубы или Будогощь, находящаяся въ 12-ти верстахъ отъ Карачева при безыменномъ ручьѣ. Потому-то и о Соловьѣ-разбойникѣ можно думать, что это былъ не простой атаманъ разбойнической шайки, а властитель темныхъ лѣсовъ съ ихъ безпокойными обитателями - Вятичами, борьба съ которыми стоила Кіеву многихъ трудныхъ походовъ. Побѣда надъ простымъ атаманомъ шайки не подняла бы такъ Ильи Муромца въ глазахъ могучихъ богатырей князя Владиміра и не снискала бы ему столько почета и удивленія въ первопрестольномъ Кіевѣ. Другое дѣло, когда Ильѣ Муромцу удалось доставить плѣнникомъ на великокняжескій дворъ племеннаго князя Вятичей, обладавшаго

[11]) Книга Былинъ, В. П. Авенаріусъ, стр. 99.
[12]) Русс. Богатыри. Шмидтъ-Москвитиновой, стр. 21.
[13]) Пѣсни, собранн. В. П. Кирѣевскимъ т. 4, стр. 3, см. Побывальщина, записанн. въ Архангельс. уѣзд.

недоступными лѣсами! Тогда вполнѣ понятными становятся заслуги богатыря и восторги Кіевскаго князя, пожелавшаго потѣшиться надъ униженнымъ соперникомъ своего могущества. Заставы вражьи не могли удержать могучихъ богатырей добраго, ласковаго князя Владиміра—Красное Солнышко: Соловей-разбойникъ былъ побѣжденъ, гнѣздо его разрушено. Но у Соловья-разбойника остались еще по словамъ былины, зятья его . . . . И исторія свидѣтельствуетъ, что послѣ побѣды Владиміра надъ Вятичами, послѣдніе продолжали еще имѣть своихъ собственныхъ князей.

Вятичи въ княженіе Владиміра Святаго не вошли еще надлежащимъ образомъ въ составъ Русскаго государства; они находились лишь въ зависимости отъ него и притомъ чисто внѣшней, основывавшейся на одной дани Кіеву, да и за данью приходилось ходить къ побѣжденнымъ самимъ русскимъ князьямъ „съ дружиной“. Такъ что чрезъ все одиннадцатое столѣтіе Вятичи, имѣя своихъ князей, составляли какъ бы государство въ государствѣ, и ихъ князья не разъ мутили своихъ подданныхъ противъ русской власти. Даже такая доблестная личность, какъ Владиміръ Мономахъ, перечисляя свои труды и бранные подвиги на пользу отечества, упоминаетъ въ числѣ ихъ и о походѣ на Вятичей: *съ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы на Ходату и на сына его и по Корьдну* (1081 г.) [14]). Полное и окончательное утвержденіе русскаго владычества надъ Вятичами относится уже къ началу XII вѣка, когда земля Вятичей вмѣстѣ съ нею и городъ Карачевъ вошли въ составъ Сѣвернаго княжества.

---

[14]) Духовн. Мономаха 35. Истор. Росс. Госуд. Карамзина, т. II стр. 109.

II.

Исторически-достовѣрныя свѣдѣнія о г. Карачевѣ въ эпоху удѣльнаго періода.

Прибытіе въ г. Карачевъ Сѣверскаго князя Святослава Ольговича.—Сраженіе въ окрестностяхъ Карачева.—Встрѣча велик. князя Изяслава II жителями г. Карачева.—Съѣздъ князей въ Карачевѣ.—Слѣды апостольской дѣятельности св. Кукши въ области г. Карачева.—Послѣдующая судьба этого города.

Первыя достовѣрныя извѣстія о городѣ Карачевѣ встрѣчаются подъ 1146 годомъ лѣтописей, когда онъ, по тогдашнему времени, былъ уже довольно значительнымъ городомъ въ Сѣверской волости.

Въ это время Карачевъ находился во власти Новгородсѣверскаго князя Святослава Ольговича, состоявшаго въ междоусобной войнѣ съ Черниговскими князьями Владиміромъ (свояком Елецкаго князя Владиміра Ярославича) и Изяславомъ Давыдовичами. Выдержавъ отъ Давыдовичей осаду въ своемъ Новгородѣ-Сѣверскомъ и угрожаемый скорымъ приходомъ велик. кн. Изяслава Мстиславича Кіевскаго, Святославъ, по совѣту преданныхъ ему князей, дядей и дружины, уѣхалъ „въ лѣсную страну—въ Карачевъ“, чтобы отсюда ближе было сноситься съ вѣрнымъ союзникомъ его Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Вмѣстѣ съ нимъ прибыло въ Карачевъ семейство князя (жена, дѣти и несчастная княгиня жена брата его Игоря, замученнаго Кіевлянами) и часть вѣрной его дружины; остальное войско, за исключеніемъ оставшихся въ Новгород-Сѣверскѣ, должно было въ слѣдъ за княземъ также выступать къ Карачеву. Не долго однакожъ изгнанникъ Святославъ оставался въ Карачевѣ; скоро по уходѣ его изъ Новгород-Сѣверска, жители послѣдняго сами донесли объ этомъ велик. князю Изяславу и Давыдовичамъ, находившимся тогда въ Путивлѣ. Болѣе другихъ раздосадованный этою вѣстію, Изяславъ Давыдовичъ вызвался въ погоню за Святославомъ и былъ отпущенъ союзниками налегкѣ, безъ возовъ, съ конною лишь дружиною въ 3000 человѣкъ. Отправясь изъ Путивля, онъ шелъ къ Курску мимо города Сѣвска и Болдина [15]), и такъ какъ нигдѣ до Ка-

[15]) *Болдинъ*—Болдыжъ. Въ Орловской губ —два Болдыжа: одинъ Брянскаго уѣзд., при рч. Гасамкѣ, въ 22 в. отъ г. Брянска; а другой Дмитровскаго уѣзда, при. рч. Нессѣ, въ 4 в. отъ Дмитровска. Послѣдній наиболѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ похода Изяслава Давыдовича.

рачева не ожидалъ себѣ сопротивленія отъ своего врага, то шелъ неосторожно, дозволяя значительные разъѣзды и безъ того небольшой своей дружинѣ Такою оплошностію его воспользовался Святославъ Ольговичъ. Захвативъ нѣсколько человѣкъ изъ его дружины и узнавъ отъ плѣнниковъ о числѣ войскъ своего соперника, Святославъ немедленно выступилъ изъ Карачева и врасплохъ напалъ на Изяслава Давыдовича раньше, чѣмъ подоспѣлъ великій князь, 16-го Января, на разстояніи полудня пути отъ Карачева къ Сѣвску, Святославъ Ольговичъ встрѣтилъ Изяслава Давыдовича „на чистомъ мѣстѣ“, первый завязалъ съ нимъ бой и обратилъ въ бѣгство противника, при чемъ однако и самъ былъ раненъ копьемъ въ руку.

Великій князь и Владиміръ Давыдовичъ, шедшіе въ слѣдъ за Изяславомъ, находились въ Болдинскомъ лѣсу и готовились было обѣдать, когда бѣжавшіе съ поля битвы донесли имъ о пораженіи ихъ союзника. Тогда они немедленно снялись съ мѣстъ и поспѣшили на встрѣчу къ Изяславу. Здѣсь на каждомъ шагу они видѣли бѣжавшихъ его воиновъ, къ полудню же явился къ нимъ и самъ Изяславъ. Теперь всѣ вмѣстѣ они отправились къ Карачеву; шли весь тотъ день, но немного не дошедши до города, остановились ночевать, чтобы съ разсвѣтомъ уже осадить его.

Случилось однако иначе, Святославъ узнавъ, что союзники недалеко отъ города, не рѣшился защищаться, оставилъ Карачевъ на произволъ судьбы и убѣжалъ еще до разсвѣта „за лѣсъ“ къ Козельску, а отсюда въ Дедославль. Карачевцамъ могла угрожать теперь опасность, и потому они рѣшились предотвратить ее полнымъ смиреніемъ: они вышли за городъ на встрѣчу великому князю Изяславу Мстиславичу и просили о милостивомъ сохраненіи ихъ города. Изяславъ далъ имъ миръ и въѣхалъ въ городъ, гдѣ Карачевцы позаботились принять его „со всякою честію“. Послѣ этого, не желая, преслѣдовать болѣе Святослава, великій кн. созвалъ на совѣтъ Давыдовичей и здѣсь такъ говорилъ имъ: „Вотъ я сдѣлалъ все, что вы хотѣли: всю область Ольговичей взялъ и отдалъ вамъ, а что было пожитковъ, и то взято; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игорево—рабы, или товаръ какой, то мое; а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части“. Урядившись такимъ образомъ Изяславъ оставилъ Карачевъ и ушелъ со своимъ войскомъ въ Кіевъ, а скоро потомъ ушли изъ Карачева и Давыдовичи.

Съѣздъ Черниговскихъ князей въ городѣ Карачевѣ, во главѣ съ великимъ княз. Кіевскимъ, впервые раздвигаетъ предъ русскимъ лѣтописцемъ лѣсныя наши дебри и въ то же время даетъ ему возможность сказать нѣс-

колько словъ о религіозномъ состояніи нашего края. Поэтому, оставляя на время политическую судьбу г. Карачева, сдѣлавшагося театромъ кроваваго междоусобія въ семьѣ Черниговo-Сѣверскихъ князей, обратимъ вниманіе на религіозно-нравственное состояніе нашихъ предковъ.

Тогда какъ въ области рѣки Днѣпра, съ стольнымъ Кіевомъ во главѣ, со времени Св. Владиміра процвѣтала Христіанская вѣра и благочестіе, въ нашемъ лѣсномъ краѣ долго еще царила непроглядная тьма язычества, и благодатные лучи свѣта евангельскаго не доходили до обитателей города Карачева. Преподобный Несторъ, описывая языческіе нравы и обычаи Вятичей, замѣчаетъ, что они оставались вѣрными своему быту даже въ его время, т. е. въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка; почему лѣтописецъ называетъ ихъ наравнѣ со всѣми языческими народами „погапами, невѣдущими закона Божія, но творящими себѣ законъ“ [16]). А такъ какъ узы, связывавшія нашихъ предковъ съ центромъ политической и религіозной жизни русскаго народа—Кіевомъ, были слишкомъ слабы до самаго конца одиннадцатаго столѣтія, и земля Вятичей не входила еще въ составъ какой-либо русской православной епархіи, то и некому было тогда позаботиться о насажденіи здѣсь христіанства. Въ 1097 году, на съѣздѣ въ Любечѣ, который устроенъ былъ для прекращенія княжескихъ междоусобій, Святославичамъ возвращена была наслѣдственная ихъ волость—Черниговское княжество съ „землею Вятичей“. Первымъ дѣломъ Святославичей былъ дѣлежъ между собою обширной Черниговской волости, причемъ земля Вятичей распалась на части и навсегда уже утратила свою цѣльность; у Вятичей не стало теперь своихъ князей: мѣсто ихъ заняли русскіе князья и посадники; вездѣ начали водворяться русскіе порядки; скоро утратилось самое названіе *Вятичей,* и они слились въ одну великую Русскую семью. Послѣ Любецкаго съѣзда нашъ Карачевъ вошелъ въ составъ Сѣверскаго удѣла Черниговскихъ князей, на долю которыхъ выпала первая забота объ устройствѣ нашего края и о полномъ подчиненіи его русскому владычеству; теперь-то Черниговская епископская каѳедра должна была взять на себя великое дѣло распространенія и утвержденія христіанства среди Вятичей, предковъ нашихъ. Но средства Черниговской каѳедры были недостаточны; жатва предстояла многая, а дѣлателей было мало,—въ Черниговской епархіи не находилось такихъ людей, которые рѣшились бы взять на себя проповѣдь въ землѣ Вятичей и подготовить ихъ къ принятію евангельской истины. Вотъ почему и послѣ Любецкаго съѣзда, когда могла и должна была начаться просвѣ-

[16]) Русск. Лѣтописецъ стр. 12.

тительная дѣятельность Черниговскихъ архипастырей въ землѣ невѣрныхъ Вятичей, проходили годы за годами, а не являлся еще среди нашихъ предковъ проповѣдникъ съ истинно-апостольскимъ самоотверженіемъ.

Между тѣмъ, по особому дѣйствію Промысла Божія, въ Кіево-Печерской обители—этомъ разсадникѣ вѣры и благочестія—получалъ воспитаніе и приготовлялся дивный проповѣдникъ и чудотворецъ—св. Кукша. Жизнь этого ревнителя вѣры извѣстна только по отношенію къ апостольскимъ его подвигамъ между Вятичами; а то, откуда онъ былъ родомъ, чей сынъ, когда и по какому случаю оставилъ міръ и вступилъ въ святую Печерскую обитель, отъ кого и когда получилъ священно-иноческій санъ,—все это и многое другое, на что такъ естественно напрашивается благовѣйная любознательность, остается для насъ тайною, такъ какъ никто еще не приподнялъ историческаго покрова, скрывающаго отъ насъ чудный ликъ этого угодника Божія. [17]).

Благодаря близости Черниговской каѳедры къ Кіеву, Черниговскіе архипастыри имѣли возможность часто посѣщать эту столицу, всякій разъ видѣться тамъ съ митрополитомъ и бесѣдовать съ великими подвижниками Кіево-Печерской Лавры, повѣдая имъ глубокую скорбь объ участи своей паствы, коснѣющей въ язычествѣ, и душевное сожалѣніе о томъ, что они одними средствами своей каѳедры, безъ посторонней помощи, не въ состояніи исполнить возложенной на нихъ промысломъ задачи. Когда же, 12-го января 1113 года, игуменъ Кіево-Печерской Лавры Ѳеоктистъ сдѣлался епископомъ Черниговскимъ, то тѣсная духовная связь, въ которой Ѳеоктистъ находился съ братіею Печерскаго монастыря во время 40-лѣтняго своего здѣсь пребыванія, не прерывалась имъ и по принятіи святительскаго сана; она дѣлала доступъ его въ эту обитель болѣе свободнымъ, чѣмъ для всякаго другаго, а ходатайство его передъ нею—особенно близкимъ и нравственно-обязательнымъ для благодарнаго ему сердца иноковъ. И вотъ теперь, когда на святительскомъ престолѣ Чернигова сидѣлъ воспитанникъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, знаменитый игуменъ и благодѣтель Лавры, предъ нею болѣе, чѣмъ когда-либо могли выясниться нужды Черниговской каѳедры и встрѣтить живѣйшее съ ея стороны сочувствіе. Призваніе епископа Ѳеоктиста на новомъ его служеніи церкви становилось задачею и для возрастившей его обители. Въ виду такого сближенія интересовъ Черниговской каѳедры и Печерской обители, еще болѣе дѣлается понят-

[17]) Подробнѣе о св. Кукшѣ и его просвѣтительной дѣятельности см. «Очерки религіозно-нравств. состоянія Орловск. края». Г. Пясецкаго. Орловск. епарх. вѣдомости 1880 и слѣд. год.

нымъ для насъ то, почему во главѣ просвѣтительной миссіи сталъ священноинокъ Кіево-Печерской обители св. Кукша и его достойный ученикъ Никонъ, не отставшій отъ своего учителя въ подвигахъ вѣры и рѣшившійся дѣлить съ нимъ не одинъ радости благодатной жатвы, но и неразлучныя съ нею въ суровой странѣ язычниковъ скорби, лишенія и опасности.

Благочестивое стремленіе иноковъ Печерскаго монастыря и Черниговскихъ святителей къ распространенію вѣры Христовой въ землѣ Вятичей вполнѣ согласовалось съ политическими видами владѣтелей этой страны. Неоспоримо, что Христіанство имѣетъ въ самомъ себѣ великую цивилизующую силу, которую признаетъ за нимъ самая исторія. Оно обуздывало дикіе инстинкты первобытныхъ народовъ, смягчало грубые ихъ нравы, пріучало къ мирной гражданственности и служило для христіанскихъ владѣтелей могучимъ средствомъ къ утвержденію своей власти надъ покоренными языческими племенами. Этого не могли не сознавать и русскіе князья, владѣтели нашихъ предковъ. Долго-временное и упорное сопротивленіе Вятичей русской власти, ихъ частыя возстанія и клятвопреступленія должны были убѣдить русскихъ князей, что пока надъ этимъ племенемъ будетъ тяготѣть язычество, до тѣхъ поръ самая власть ихъ надъ ними будетъ подвергаться разнымъ случайностямъ и колебаніямъ и вообще не сдѣлается прочною и законною. Въ виду этого нѣкоторые историки утверждаютъ, что и Черниговскіе князья не оставались безучастными къ дѣлу просвѣщенія Вятичей и помогали православнымъ миссіонерамъ зависящими отъ нихъ средствами [18]).

Въ началѣ XII вѣка священно-инокъ Кукша оставилъ блаженную Печерскую обитель и съ ученикомъ своимъ Никономъ достигъ предѣловъ Вятичей. Здѣсь, какъ можно думать, проповѣдь его началась съ древнѣйшихъ городовъ—Брянска, Карачева и др. и, какъ передаетъ намъ исторія, сопровождалась многими чудесами, такъ необходимыми для тѣхъ, которые по своей грубости, не были еще способны понимать всей силы и дѣйственности ученія Христова и, для убѣжденія въ его истинности, нуждались въ видимыхъ доказательствахъ, потрясающихъ внѣшнія чувства младенчествующаго народа. Сила евангельскаго ученія, живое и полное пламенной ревности къ славѣ имени Христова слово проповѣдника, наконецъ, явныя чудеса имѣли свое дѣйствіе на нашихъ предковъ и они были крещены.

Самоотверженная просвѣтительная дѣятельность священно-мученика Кукши и его ученика преподобнаго Никона, запечатлѣнная мученическою ихъ смертію, принесла богатые плоды на нивѣ Божіей. Уже чрезъ 30-ть

[18]) Е. Голубинскій. Истор. Р. Церкви, т. I, пер. 1, на стр. 180.

лѣтъ послѣ выступленія ихъ на апостольскую дѣятельность, вѣра Христова открыто исповѣдывалась въ нашемъ краѣ. Наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ этого служатъ лѣтописныя свѣдѣнія, относящіяся до междоусобной борьбы князей Черниго-Сѣверскихъ, о чемъ мы имѣли случай упоминать, на чемъ и остановились въ исторіи нашего Карачева.

Въ этой усобицѣ принималъ, какъ извѣстно, дѣятельное участіе и великій князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, что собственно и помогло русскому лѣтописцу познакомиться съ населеніемъ нашего края. Великій князь и Давыдовичи прошли значительную часть нынѣшней Орловской губерніи съ юга на сѣверъ, до Карачева; на пути встрѣчались имъ города и села. Между тѣмъ лѣтописецъ, зорко слѣдившій за движеніемъ любимаго своего князя, въ непріязненной ему странѣ, ни одною чертою своего расказа, не дѣлаетъ намека на то, чтобы Вятичи въ это время держались еще своего язычества; тогда какъ преподобный Несторъ, описывая ихъ бытъ, съ грустью, достойною святаго мужа, укоряетъ ихъ всѣхъ въ невѣдѣніи истиннаго Бога. Не явный ли это признакъ того, что какъ Кіевскій князь, такъ и его союзники, смотрѣли на Вятичей, какъ на людей одной съ ними вѣры и богопочтенія? Соперникъ Изяслава Святославъ Ольговичъ покидаетъ Карачевъ и убѣгаетъ къ Козельску; великій князь съ своею дружиною вступаетъ въ Карачевъ; жители города выходятъ къ нему на встрѣчу и принимаютъ его „со всякою честію“...

Какая же могла быть эта честь, кромѣ той, которая вполнѣ достойна была главы христіанскаго государства? Въ чемъ именно она выражалась со стороны жителей города Карачева—въ смиренномъ ли поднесеніи ему, по православному русскому обычаю, хлѣба-соли, въ торжественномъ ли звонѣ колоколовъ, или же въ той умилительно-христіанской встрѣчѣ, въ которой, какъ извѣстно, прибѣгли нѣкогда жители Пскова для утоленія грознаго гнѣва царя Іоанна Васильевича,—лѣтописецъ умалчиваетъ объ этомъ. Но для насъ важно и то его извѣстіе, что эта честь не была отвергнута первороднымъ сыномъ церкви и исходатайствовала Карачевцамъ „милость и миръ“.

Православные Кіевляне, эти первые насадители вѣры Христовой въ цѣлой Россіи, прожили здѣсь съ благочестивымъ своимъ княземъ въ теченіи немалаго времени; они лицомъ къ лицу видѣли неизвѣстныхъ имъ дотолѣ лѣсныхъ обитателей, и не нашли въ ихъ жизни, правахъ и обычаяхъ ничего рѣзкаго, противнаго собственному ихъ христіанству, о чемъ, конечно, не преминулъ бы замѣтить лѣтописецъ этого похода.

Когда великій князь возвратился въ свой стольный городъ Кіевъ, то въ Карачевѣ остался на княженіи одинъ изъ Черниговскихъ его союзниковъ—Святославъ Всеволодовичъ . . . [19]). Очевидно. Карачевъ сдѣлавшійся хотя и временною резиденціею князя, не могъ быть безъ православной церкви, духовныхъ пастырей и христіанской паствы. Святославу Всеволодовичу, какъ родному племяннику изгнаннаго Святослава Ольговича, жаль стало своего дяди, тѣмъ болѣе, что права и его самого на Черниговскій столъ тѣсно связывались съ судьбою его дяди; поэтому онъ послалъ изъ Карачева увѣдомить дядю о томъ, что Давыдовичи рѣшились его преслѣдовать. Но обстоятельства добродушнаго Ольговича значительно поправились, когда онъ получилъ подкрѣпленіе отъ Суздальскаго князя Юрія Долгорукова. Тогда Давыдовичи, не надѣясь устоять въ открытой борьбѣ съ предпріимчивымъ Ольговичемъ, созываютъ къ себѣ на съѣздъ „лучшихъ Вятичей“ и дѣлаютъ имъ такое коварное предложеніе: „Святославъ, говорили они, васъ не любитъ и области вашей не жалѣетъ, а разворяетъ ее — точно не свою область; онъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ: старайтесь какъ нибудь обманомъ поймать или убить его и дружину его перебить, а имѣніе его пусть будетъ вамъ“. Недостойное предложеніе это не было принято лучшими людьми Вятичей; они дали такой знаменательный отвѣтъ новымъ своимъ повелителямъ: „Вы всѣ наши государи, и намъ равны; кто нами владѣетъ, тому мы вѣрны и покорны, не взирая на милость и немилость,—разсуждая, что самъ Богъ опредѣлилъ васъ надъ нами, и не безъ ума—по Апостолу—мечъ въ наказаніе виновнымъ, и отмщеніе злымъ и оборону обидимымъ носите, а намъ руку свою поднять на Господа не можно, и никогда того въ насъ и праотцахъ нашихъ не было“ . . . . . [20]). Послѣ этого, по требованію Давыдовичей, Вятичи дали имъ клятву въ вѣрности и получили отъ нихъ посадниковъ въ свои города—Брянскъ, Мценскъ и др., кромѣ нашего Карачева, гдѣ, какъ мы уже говорили, сѣлъ на княженіе союзникъ коварныхъ Давыдовичей—Святославъ Всеволодовичъ. Давыдовичи остались довольны покорностію Вятичей и „вельми ихъ похваляли“; но, по ихъ уходѣ, Вятичи не исполнили своей клятвы и перешли на сторону прежняго своего владѣтеля, какъ только появился онъ съ своимъ войскомъ въ ихъ землѣ,—„и за то, продолжаетъ лѣтописецъ, ихъ многіе клятво-преступствомъ порицами“. Такимъ образомъ, послѣ того, что говорили „лучшіе Вятичи“, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что обита-

[19]) Истор. Р. Татищева, кн. 2 ст. 261.
Истор. Р. Соловьева, т. 2, примѣч. 245.
[20]) Татищевъ, кн. III, стр. 298.

тели нашего Карачева, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, т. е. старѣйшинъ, родоначальниковъ,—были уже просвѣщены вѣрою Христовою. Правда, нельзя настаивать на томъ, чтобы въ данномъ случаѣ лѣтописецъ наблюдалъ полное безпристрастіе повѣствователя и объективность самаго факта: возможно, что онъ, на этотъ разъ, отступилъ отъ прямой своей задачи передать фактъ такъ, какъ онъ былъ, и принялъ на себя нѣкоторую роль христіанскаго моралиста. Такую именно роль онъ могъ взять на себѣ какъ потому, что вообще не былъ расположенъ къ Черниговскимъ князьямъ, такъ еще болѣе—въ виду ихъ низкой политики, столь несогласной съ честью и достоинствомъ христіанскихъ князей. Влагая въ уста Вятичей зрѣлое христіанское сужденіе о государственной власти, вопреки льстивому и оскорбительному для христіанской совѣсти предложенію Давыдовичей, лѣтописецъ тѣмъ самымъ надѣялся унизить нравственный авторитетъ послѣднихъ въ глазахъ Кіевлянъ.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно то, какъ смотрѣлъ самъ лѣтописецъ на Вятичей, т. е. какъ на христіанъ или язычниковъ. А что онъ признавалъ за ними имя и достоинство христіанъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; иначе онъ не могъ бы влагать имъ въ уста словъ Св. Писанія и зрѣлыми христіанскими ихъ понятіями о власти обличать коварныхъ Давыдовичей.

За Святославомъ Всеволодовичемъ Карачевъ остался не долго. Въ 1155 году оба Святослава Ольговичъ и Давыдовичъ, съѣхавшись вмѣстѣ, заключили между собою, по словамъ лѣтописца, *крѣпкій союзъ* и развелись во владѣніяхъ; при этомъ Карачевъ уступленъ былъ Всеволодовичемъ своему дядѣ, который далъ ему за то какой-то другой городъ похуже [21]). Послѣ этого Карачевъ переходилъ изъ рукъ въ руки: Святославъ Ольговичъ отдалъ его сыну Юрія Владиміровича Долгорукаго, а тотъ по договору на съѣздѣ въ Любавѣ, переуступилъ его кн. Черниговскому Изяславу Давыдовичу [22]). Впослѣдствіи Святославъ Всеволодовичъ, наслѣдовавъ послѣ Ольговича Черниговъ и область Вятичей, снова имѣлъ въ своей власти Карачевъ; онъ владѣлъ имъ и въ то время, когда сдѣлался великимъ княземъ. Въ концѣ XII вѣка жители Карачева и его окрестностей не разъ должны были подъ предводительствомъ своихъ владѣтелей ополчаться противъ Половцевъ. Эти варвары занимали тогда степи между Дономъ и Днѣпромъ и своими *вѣжами* подходили къ берегамъ Быстрой Сосны, т. е. къ юго-восточнымъ предѣламъ

[21]) Истор. Соловьева, т. 2, ст. 208; Карамз. т. 2 ст. 315.
[22]) Записки касательно Россійск. Истор. ч. 2, ст. 297, 306.

нынѣшней Орловской губерніи; они не разъ вносили въ наши предѣлы мечъ и огонь и уводили плѣнниковъ въ неволю. Поэтому владѣтели нашего края должны были постоянно сторожить отъ нихъ свои волости, а нерѣдко и сами выступали противъ нихъ въ походъ. Такъ, въ 1185 году, великій князь Святославъ Всеволодовичъ, собираясь въ походъ на Половцевъ, пріѣзжалъ въ Карачевъ для сбора войска въ верховьяхъ Оки и Десны [23]). На обратномъ пути изъ Карачева онъ узналъ о несчастномъ походѣ на Половцевъ Игоря Новгородсѣверскаго и Всеволода Трубчевскаго. Въ 1193 году Святославъ опять былъ въ Карачевѣ [24]).

По смерти Святослава Всеволодовича, въ 1194 году, Карачевъ по прежнему оставался во власти князей Черниговскихъ. По всей вѣроятности, жители Карачева вмѣстѣ съ трубчанами участвовали и въ битвѣ на рѣкѣ Калкѣ, гдѣ русскіе союзные князья потерпѣли страшное пораженіе отъ полководцевъ Чингисъ-Хана [25]). Вотъ все, что извѣстно изъ лѣтописей о городѣ Карачевѣ въ до-Монгольскій періодъ Руси.

---

[23]) Записки касательно Россійск. Истор. ч. 3, стр. 181.; Карамзинъ т. 3 стр. 73.
[24]) Соловьевъ т. 2 стр. 437 и 446.
[25]) Русск. Временникъ ч. 1, стр. 87.

III.

Періодъ Монгольскаго и Литовскаго владычества надъ г. Карачевомъ.

Нашествіе Батыя.—Слѣды Свиной дороги въ Карачевскомъ уѣздѣ.—Утвержденіе въ Карачевѣ княжеской резиденціи.—Вторженія Литовцевъ.—Смуты въ Брянскомъ и Карачевскомъ княжествѣ.—Карачевъ во власти Литвы.—Присоединеніе Карачева къ Московскому государству.—Церковная зависимость Карачева отъ Брянской каѳедры.—Карачевскіе монастыри.

Во время грознаго нашествія на Россію Монгольскій завоеватель Батый, разгромивъ княжества Рязанское и Владимірское, вступилъ въ область древнихъ Вятичей. Здѣсь городъ Козельскъ своею отчаянною обороною задержалъ Монгольскія полчища на цѣлыхъ семь недѣль и до того озлобилъ Батыя, что онъ, истребивши всѣхъ жителей, прозвалъ Козельскъ „злымъ городомъ“. Отсюда, направляясь въ Половецкія степи, страшный воитель долженъ былъ проходить и чрезъ Орловскій край; не извѣстно, что сталось въ это время съ нашимъ Карачевомъ, но можно думать, что и онъ вмѣстѣ съ другими городами, встрѣчавшимися на пути Монголамъ, былъ погребенъ подъ своими развалинами: озлобленные Козельскою обороною, Татары, и безъ того отличавшіеся свирѣпостію, не давали теперь пощады никому и ничему. Впрочемъ, пользуясь долговременною стоянкою Батыя подъ Козельскомъ, наши Карачевцы имѣли достаточно времени для того, чтобы, оставить свои жилища, подобно другимъ своимъ сосѣдямъ, укрыться въ недоступныхъ убѣжищахъ. Кажется, на память объ этомъ грозномъ пути Батыя осталось у Карачевцевъ и ихъ сосѣдей названіе „Свиной дороги“. Съ такимъ названіемъ соединяется въ народной памяти темная легенда о какой-то *свиньѣ*, вышедшей нѣкогда изъ Болхова и дошедшей до Карачева... Всего вѣроятнѣе, что такое названіе усвоено было этой дорогѣ въ смыслѣ презрѣнія къ татарамъ, которые и впослѣдствіи знали выгоды этой дороги. Свиная дорога вела изъ нынѣшней Курской губерніи, отъ Рыльска до Болхова и проходила чрезъ уѣзды: Кромской (частію), Дмитровскій, Карачевскій и Болховской, — „тою Свиною дорогою прихаживали Бѣлогородскіе (Аккерманскіе) Татаровя на Рыльскій, и на Карачевскій, и на Болховской

и на Орловскій уѣзды Бакай (Банай)—Мурза, какъ польскихъ *) городовъ не было. А прихаживали на Свиную дорогу съ Бакаева шляху, а Бакаевъ шляхъ отъ Муравскаго шляху верстъ 40 къ Днѣпру". [26]) Слѣды Свиной дороги сохранились доселѣ во многихъ мѣстностяхъ Орловской губерніи и Карачевскаго уѣзда по направленію съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ; почему Свиная дорога образуетъ какъ бы нѣсколько Свиныхъ дорогъ, идущихъ преимущественно *кряжемъ*, минуя низменныя мѣста и рѣки; а такъ какъ при этихъ послѣднихъ обыкновенно располагаются селенія, то дороги эти составляютъ по большей части границу между разными владѣльцами [57]). Частнѣйшее направленіе Свиной дороги по Орловской губерніи обозначается въ древней картѣ истоками рѣкъ изъ подъ Свиной дороги; изъ этихъ рѣкъ однѣ протекаютъ по правую ея сторону, а другія по лѣвую. Съ правой стороны Свиной дороги берутъ начало слѣдующія рѣки, впадающія въ Оку: Крома, Ицка, Цонъ, Орелъ (Орликъ), Неполодь, Нугрь. Съ лѣвой стороны—Неруса, Навля и Снѣжеть, принадлежащія къ Десенской системѣ. Руководствуясь истоками вышеуказанныхъ рѣкъ, можно приблизительно провести Свиную дорогу по Карачевскому уѣзду около Хотынца, Образцова и Алымовой, Иваповскаго, Мѣловаго и Дронова (Архангельскаго), Вербника. Бочарокъ, Глинокъ и Семеновки, Пятниковскаго, Навли и Хотькова, Молодоваго, Высокаго и Шаблыкина, Воронцова, Герасимова и Робья, Гавриловскаго и Титова и далѣе—на югъ—дорога пролегала чрезъ Дмитровскій уѣздъ.

Не смотря на то, что Орловскій край не избѣжалъ злой участи во время Монгольскаго нашествія, окрестности Карачева, защищенныя дремучими лѣсами, пострадали несомнѣнно менѣе, чѣмъ стольный городъ Черниговъ; потому то, когда св. князь Михаилъ Черниговскій былъ замученъ въ Ордѣ, сыновья его не остались въ Черниговѣ, а искали себѣ пріюта въ нашихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ и, такимъ образомъ способствовали образованію здѣсь княжествъ Брянскаго, Карачевскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Когда въ Брянскѣ поселился на княженіи старшій изъ пяти сыновей св. Михаила—Романъ, тогда и слѣдующій за нимъ Мстиславъ утвердилъ свою резиденцію въ Карачевѣ, почему онъ и извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ Карачевскаго князя [28]). Въ составъ Карачевскаго княжества, какъ

*) Такъ назывались украинные города, за которыми лежали тогда почти не заселенныя *поля* или степи, пограничныя съ Татарами.

[26]) Кн. Больш. Чертеж. стр. 84—108.

[27]) Памятн. книжк. Орл. губ. на 1860 год., стр. 33

[28]) Записки касат. Россійск. Истор. ч. 6. стр. 168: «отъ Мстислава пошли Карачевскіе, Мосальскіе, Елецкіе и Звенигородскіе князи».

видно, входили смежные съ нимъ уѣзды—Дмитровскій. Болховской, а также и Козельскій (Калужск. губ.) съ его окрестностями. Пока Романъ и Мстиславъ были живы, между Брянскимъ и Карачевскимъ княжествами не было усобицъ. Находясь подъ давленіемъ Татарскаго ига, братья заботились по возможности о благосостояніи своихъ подданныхъ и охраняли ихъ отъ вторженія Литовцевъ, которые, пользуясь ослабленіемъ юго-западной Руси, послѣ нашествія Монголовъ, открыли непрерывные набѣги на нашъ край,—топтали поля, жгли села, угоняли скотъ и людей въ плѣнъ. Около 1275 года Литовцы, въ числѣ другихъ городовъ, „чинили набѣги“ на самый Карачевъ; набѣги эти были такъ раззорительны, что князья не въ состояніи были заплатить должной дани Хану, который поэтому спрашивалъ князей: „почто ясакъ малъ, а людей много въ землѣ вашей“? Князья отвѣчали, что „по причинѣ частыхъ набѣговъ Литовскихъ земля ихъ оскудѣла всячески“ . . . . [29]). Въ виду этого Ханъ Золотой Орды не разъ давалъ князьямъ свою помощь и посылалъ ихъ воевать самую Литву. Лѣтописи не упоминаютъ, участвовалъ ли въ знаменитыхъ походахъ Романа Брянскаго противъ Литвы и Карачевскій князь Мстиславъ, но общіе интересы удѣловъ обоихъ братьевъ не заставляютъ въ томъ сомнѣваться. Не извѣстно, оставался ли еще въ живыхъ Мстиславъ Михайловичъ въ то время, какъ митрополитъ Максимъ. рѣшившись перенести митрополію свою изъ Кіева во Владиміръ, переѣзжалъ туда со всѣмъ своимъ дворомъ чрезъ Брянскъ и Карачевъ; не извѣстенъ также и годъ смерти Мстислава Карачевскаго, но несомнѣнно то, что его потомки продолжали княжить въ Карачевѣ и Козельскѣ.

Другія времена настали для Карачева при преемникахъ Романа въ Брянскѣ и Мстислава въ Карачевѣ. Между этими родственными отрослями одного дома возникаютъ тогда взаимныя смуты, доходившія до кровопролитныхъ междоусобицъ. Въ этомъ отношеніи особенно памятенъ для Карачева 1310 годъ. Въ Брянскѣ княжилъ тогда Василій, котораго историкъ Карамзинъ считаетъ внукомъ Романа Михайловича; а въ Карачевѣ—сынъ Мстислава-Святославъ Мстиславичъ, внукъ св. Михаила Черниговскаго. Противъ Василія возсталъ дядя его Святославъ и вытѣснилъ его изъ Брянска. Не желая уступать своему дядѣ, Василій уѣхалъ съ жалобою на него въ Орду. Ханъ милостиво принялъ Василія и далъ ему значительный отрядъ Татарскаго войска для возвращенія удѣла. Сраженіе между соперниками произошло гдѣ-то въ окрестностяхъ города Карачева; Святославъ палъ,

[29]) Записки касат. Росс. Истор. ч. 6, стр. 285.

а Василій, утвердившись въ Брянскѣ, съ татарами напалъ на Карачевскаго князя Святостава Мстиславича. Что было поводомъ къ этому нападенію,— сочувствіе ли Карачевскаго князя сопернику Василія, или желаніе Василія чрезъ покореніе Карачева расширить предѣлы Брянскаго княжества и вознаградить своихъ пособниковъ Татаръ на счетъ средствъ сосѣда,—неизвѣстно. Карачевскій князь въ борьбѣ съ татарами не устоялъ и палъ на полѣ брани; при чемъ и самый городъ, вѣроятно, сдѣлался жертвою разграбленія [30]). Святитель Петръ еще предъ возникновеніемъ описаннаго междоусобія лично отправлялся чрезъ Карачевъ въ городъ Брянскъ для умиротворенія враждующихъ князей; но всѣ увѣщанія Святителя остались тщетны и самъ онъ едва не былъ убитъ Татарами въ соборномъ храмѣ. Въ 1339 году въ Карачевскомъ княжествѣ опять происходили междоусобія между дядею – княземъ Андреемъ Мстиславичемъ и племянникомъ Басиліемъ Пантелеичемъ, при чемъ дядя былъ убитъ своимъ племянникомъ [31]).

Такія усобицы не обѣщали въ будущемъ ничего добраго ни Брянску, ни Карачеву, взаимно обезсиливаемымъ враждою. Вражда эта привлекала жадные взоры Литовскихъ завоевателей къ Брянску и Карачеву и постепенно пролагала путь къ иноземному владычеству въ нашемъ краѣ, служившемъ границею между Литвою и Московскимъ государствомъ. И дѣйствительно, во второй половинѣ XIV вѣка великій князь Литовскій Ольгердъ завоевалъ Брянскъ и захватилъ въ плѣнъ молодаго Брянскаго князя Іоанна, сына Василіева. Паденіе Брянска дало возможность Ольгерду тогда же, безъ особеннаго труда, овладѣть Карачевомъ, Трубчевскомъ и другими городами Орловскаго края; послѣ этого въ Карачевѣ должны были находиться Литовскіе воеводы въ теченіи полутора—вѣковаго владычества Литвы надъ нашимъ краемъ.

Время Литовскаго владычества надъ городомъ Карачевомъ было полно враждебныхъ столкновеній Литвы съ Московскими князьями, Литва устремляла свое оружіе и за предѣлы Орловскаго края, а Московскіе князья служили имъ къ тому препятствіемъ. Мѣстомъ для борьбы и враждебныхъ столкновеній этихъ двухъ государствъ служилъ именно Орловскій край; при взаимныхъ столкновеніяхъ съ Литовцами Московскіе воеводы забыли о своемъ единовѣріи съ Карачевцами и, смотря на нихъ, какъ на Литовскихъ подданныхъ, сопровождали свои походы плѣномъ и безпощаднымъ грабежомъ. Такимъ бѣдствіямъ долженъ былъ подвергаться Карачевъ не разъ въ кня-

[30]) Истор. Росс. Соловьева, т. 3 стр. 308.
Карамзинъ, т. 4, примѣч. 225.
[31]) Соловьевъ т. 3, стр. 309.; Карамзинъ, т. 6, стр, 275 и примѣч. 288.

женіе Дмитрія Іоанновича, во время его борьбы съ могущественнымъ Литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Извѣстно, что въ 1370 году Московскіе воеводы прошли Карачевъ до самаго Брянска [32]), а въ 1379 году они снова опустошали нашъ край до самаго Трубчевска. Въ это время Карачевъ не имѣлъ уже князей и, по всей вѣроятности, входилъ въ составъ владѣній Дмитрія Ольгердовича, одного изъ сыновей Ольгерда. Кромѣ Московскихъ воеводъ въ предѣлы Карачева вносили свой мечъ и огонь и Рязанцы, желавшіе вытѣснить враждебную имъ Литву изъ нашихъ городовъ Карачева и Брянска. Въ свою очередь и Золотая Орда, не получавшая съ Литвы дани, вымещала свое недовольство на нашихъ городахъ. Въ виду такой опасности отъ Татаръ, Литовцы иногда дѣйствовали противъ нихъ въ союзѣ съ Москвитянами и сообща отражали враждебныя нападенія ордынцевъ. Такъ именно было въ 1437 году, когда Татары, во главѣ съ своимъ ханомъ, низверженнымъ Аму-Махметомъ, засѣли было въ Бѣлевѣ. Но совокупныя дѣйствія противъ Татаръ Литовскихъ и Московскихъ князей не препятствовали имъ вести взаимныя войны. Въ 1445 году, въ княженіе Василія II Темнаго, городъ Карачевъ снова подвергся внезапному нашествію Московскихъ воеводъ и служилыхъ Татарскихъ царевичей. Когда же, затѣмъ, Василій II Темный былъ ослѣпленъ двоюроднымъ братомъ своимъ Шемякою, то шуринъ его, князь Василій Ярославичъ, убѣжалъ въ Литву и получилъ отъ короля во владѣніе себѣ въ числѣ другихъ городовъ и городъ Карачевъ. Здѣсь Василій Ярославичъ и находившіе у него пріютъ сторонники Василія Темнаго—Ѳедоръ Басенокъ да князь Семенъ Оболенскій собрали значительныя силы въ пользу Василія II Темнаго и помогли ему побѣдить Шемяку [33]).

Со времени Іоанна Васильевича III Москва перемѣнила свою политику по отношенію къ Литвѣ и стала дѣйствовать наступательно. Враждебныя столкновенія двухъ сосѣднихъ государствъ происходятъ особенно часто въ окрестностяхъ Карачева; съ той и другой стороны слышатся постоянныя жалобы на убытки и грабежи, причиняемые то Литовскими людьми Московскимъ людямъ, то Московскими наѣздниками—Литовскимъ жителямъ. Напримѣръ, въ 1498 году Литовскій посолъ, панъ Станиславъ Глѣбовичъ, приносилъ жалобу въ Москвѣ, что намѣстникъ Козельскій захватилъ Литовскія земли—села Карачевскія и Хотимльскія [34]). Наконецъ, въ 1499

[32]) См. Лѣтописецъ, служащій продолж. Несторовой Лѣтоп. стр. 109; Карамзинъ т. 5, стр. 21; Соловьевъ т. 3, стр. 839.

[33]) Русск. Времянн. ч. 2, стр. 12 и 16; Карамзинъ т. 5, стр. 366—75.

[34]) Истор. Росс. Соловьева т. 5, стр. 157.—Село *Хотимль*—при безыменномъ ручьѣ въ 25 верст. отъ г. Карачева.

году великій князь Московскій Іоаннъ III отправилъ сильное войско подъ предводительствомъ боярина Якова Захарьевича Кошкина на предѣлы Орловскаго края, и городъ Карачевъ вмѣстѣ съ другими сосѣдними городами былъ навсегда присоединенъ къ Московскому государству [35]). По перемирію, заключенному въ 1503 году между Іоанномъ III и Литовскимъ княземъ Александромъ, волости—Карачева, Хотимля, Невля и др. уступлены были Москвѣ [36]).

Въ то время, какъ Брянское и Карачевское княжества, ослабленныя внутренними смутами и междоусобіями, лишились политической своей независимости и вошли въ составъ Литовскаго государства, городъ Брянскъ возвысился на степень епископскаго каѳедральнаго города, и нашъ Карачевъ долженъ былъ признать церковную зависимость отъ своего сосѣда. Брянская епископская каѳедра служила продолженіемъ Черниговской епископіи, отъ которой до этого времени зависили и Брянскъ и Карачевъ въ епархіальномъ отношеніи, и которая существовала еще со временъ Владиміра Святаго (992 г.). Нашествіе Монголовъ и бѣдствія, которымъ подвергался тогда стольный городъ Черниговъ, побудили Черниговскихъ князей искать пріюта въ нашихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а гдѣ жилъ князь, тамъ поселился и епископъ, такъ какъ обстоятельства требовали того, чтобы княжеская резиденція и епископская каѳедра находились въ одномъ мѣстѣ, чтобы власть свѣтская и духовная, поддерживая другъ друга, могли успѣшнѣе дѣйствовать ко благу государства и церкви.

Открытіе въ Брянскѣ епископской каѳедры послѣдовало при митрополитѣ Московскомъ св. Алексіѣ одновременно съ посвященіемъ епископа Наѳанаила, который называется въ лѣтописяхъ *Дебрянскимъ*, или Брянскимъ [37]); духовному вѣдѣнію его подлежали всѣ церкви прежней Черниговской каѳедры. Это важное въ исторіи религіозно-нравственной жизни нашего края событіе совершилось въ началѣ второй половины XIV вѣка, приблизительно между 1356 и 1360 гг. [38]). Полутора—вѣковое почти существованіе въ Брянскѣ епископской каѳедры ознаменовано было окончательнымъ вытѣсненіемъ язычества изъ предѣловъ Орловскаго края и умноженіемъ здѣсь иноческихъ обителей. Изъ этого же времени дошли до насъ слѣды иноческой жизни и въ предѣлахъ Карачева, начавшейся по всей вѣроятности еще подъ покровительствомъ первыхъ Карачевскихъ князей изъ дома св. Ми-

[35]) Русск. Времянн. ч. II, стр. 189; Соловьевъ, т. 5, стр. 160.
[36]) Карамзинъ т. 6, стр, 316; Соловьевъ, т 5, стр. 171—172 и примѣч. 203.
[37]) Лѣтоп. служащ. продолж. Несторов. лѣтоп. стр. 135.
[38]) См. различныя мнѣнія историковъ о времени открытія Брянск. епископск. каѳедры въ »Историч. Очеркахъ г. Брянска» Г. Пясецкаго, стр. 72—80.

хапла Черниговскаго. Такъ объ одномъ изъ Карачевскихъ монастырей—въ Одринѣ извѣстно, что онъ существовалъ въ 1452 году. Отъ этого, по крайней мѣрѣ, года дошла до насъ грамота княгини инокини Евпраксіи, въ мірѣ Елены, бывшей дочери Великаго князя Ольгерда. Раздѣляя свое имѣніе между родственниками, княгиня Евпраксія, между прочимъ, отписала внуку своему, князю Василію Ярославичу, монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы съ принадлежащими къ нему селами „да Одрины—говорится въ граматѣ,—что мя благословилъ князь мой: а мои сноси и мой внукъ тѣмъ монастыремъ, и что монастырю дала, печалуются, а не обидятъ. А что попы и дьяконы служатъ у Рождества Пресвятыя, а что придетъ съ тѣхъ селъ, и попы возьмутъ половину, а игуменьѣ съ черницами половина, а Одрины вѣдаютъ попы, а игумены съ черницами даютъ на годъ по рублю; а дьякона и проскурницу вѣдаютъ попы, а поминаютъ наши души“ [39]). Изъ этой грамоты видно, что на мѣстѣ нынѣшняго Одрина мужескаго монастыря существовалъ первоначально женскій Рождественскій монастырь, а можетъ быть, рядомъ съ женскимъ монастыремъ существовалъ уже тогда въ Одринахъ и мужскій монастырь, только о немъ не упоминается въ граматѣ. Кромѣ того, благочестіе жителей г. Карачева создало мужескій Воскресенскій монастырь, или Тихонову пустынь, близь города Карачева, и женскій монастырь при церкви Страстотерпца Димитрія Солунскаго, но время основанія ихъ съ достовѣрностію опредѣлить трудно. Возникновеніе въ нашемъ городѣ нѣсколькихъ монастырей свидѣтельствуетъ о томъ, что высокія христіанскія истины объ отреченіи отъ міра проникли уже въ сознаніе многихъ изъ нашихъ предковъ. Вѣдь не матеріальныхъ выгодъ и удобствъ жизни искали они въ тѣсныхъ стѣнахъ монастырскихъ обителей, а вѣчнаго спасенія души своей въ смиренныхъ подвигахъ богомыслія, молитвы и покаянія? Къ несчастію, время существованія въ Брянскѣ епископской каѳедры совпало съ грозною эпохою владычества Литвы надъ нашимъ краемъ и длиннымъ періодомъ нестроеній въ Русской церкви по поводу раздѣленія митрополіи. Церковныя смуты обуревали Брянскую епископскую каѳедру со времени посвященія на нее еписк. Наѳанаила и до самаго закрытія каѳедры при епископѣ Брянскомъ Іонѣ.

Одною изъ главныхъ причинъ раздѣленія единой дотолѣ Русской митрополіи на двѣ—Сѣверную или Московскую и Южную или Литовскую было перенесеніе митрополичьей каѳедры съ юга на сѣверъ, вызванное тѣми же бѣдствіями Татарскаго опустошенія и насилія, какія побудили и Чернигов-

[39]) Собран. государств. грамотъ, ч. I стр. 190.

скихъ архипастырей искать себѣ болѣе удобнаго пріюта въ сосѣднемъ Брянскѣ. Могущественный Литовскій князь Ольгердъ, владѣвшій кромѣ Литвы и всею юго-западною Русью, желалъ для своихъ подданныхъ образовать особую, независимую митрополію, чтобы чрезъ ея митрополита, всѣмъ ему обязаннаго, имѣть вліяніе и на всю остальную Россію, владычества надъ которою онъ такъ усердно добивался въ теченіе всей своей жизни. Потому-то, когда святитель Алексій, избранный въ митрополита великимъ княземъ Московскимъ, прибылъ въ 1354 году въ Константинополь для своего посвященія, туда же за поставленіемъ въ митрополита Литовскаго явился и Романъ отъ имени великаго князя Литовскаго Ольгерда. Просьба Ольгерда и богатые дары возъимѣли свое дѣйствіе въ Царь—градѣ: Романъ былъ посвященъ въ Литовскаго митрополита. Такъ въ одно и то же время явились въ Россіи два митрополита и началось настроеніе въ Церкви.

Вопросъ о томъ, къ какой изъ этихъ двухъ митрополій будетъ принадлежать Брянская епархія съ нашимъ Карачевомъ, былъ не безразличенъ какъ для архипастырей Брянскихъ, такъ и для всей ихъ паствы. Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависѣло не одно внѣшнее благосостояніе Брянской церкви,—ея спокойствіе и миръ, но и вѣчные интересы ея—самое православіе. Между тѣмъ, смуты и нестроенія, возникшія въ Русской церкви, прежде всего должны были коснуться Брянской епархіи, которая лежала на границѣ между сѣверными и южными епархіями. И дѣйствительно, опираясь на свѣтскую власть, Романъ началъ вторгаться въ предѣлы собственно-русской митрополіи и, между прочимъ, въ предѣлы Брянской епархіи, гдѣ самовольно литургисалъ и совершалъ хиротоніи, объявляя и грозя притомъ чрезъ своихъ приближенныхъ, что онъ имѣетъ великую силу у своего князя. Понятно, какъ подобный образъ дѣйствій со стороны Романа долженъ былъ смущать святителя Алексія и его ставленника Брянскаго епископа. Но этого мало. Митрополитъ Романъ, самолично доискиваясь власти надъ неподчиненными ему христіанскими церквами и не желавшими признать его своимъ архипастыремъ, возбуждалъ противъ нихъ самого Ольгерда и подстрекалъ его на разореніе ихъ жилищъ и кровопролитіе. Митрополитъ Алексій для умиротворенія паствы рѣшился, наконецъ, уступить Роману Брянскую епархію [40]). Болѣе тяжелыя и опасныя времена для юной Брянской епархіи настали послѣ Флорентійскаго собора, на которомъ митрополитъ Исидоръ, единомышленникъ папы, предалъ православіе католичеству. Римъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы удержать

[40]) Истор. Русск. Церкви. Макарія, т. IV стр. 44.

подъ своимъ главенствомъ южную митрополію. Въ 1458 г. папа достигъ того, что прислалъ на Литовскую митрополію Григорія Булгара, ученика Исидорова. Тогда начались испытанія для Брянскаго епископа Евоимія, оставшагося вѣрнымъ завѣтамъ великаго святителя Московскаго Іоны. Гоненія на Евѳимія дошли до того, что онъ вынужденъ былъ оставить свою епархію и бѣжать въ Москву [41]). Съ этого времени (1465) Брянская епархія съ нашимъ Карачевомъ подчинилась власти южнаго митрополита и отъ него принимала архипастырей до 1499 года, когда, въ княженіе Іоанна Васильевича III, Московскіе воеводы покорили Москвѣ Брянскъ, Черниговъ, Стародубъ и др. города, входившіе въ составъ Брянскаго княжества. „а воеводу и намѣстника Брянскаго, папа Станислава Барташевича, и владыку Брянскаго поимоша и прислаша къ великому князю въ Москву“ [42]). Этотъ владыка, взятый при покореніи Брянска и отправленный въ числѣ важныхъ плѣнниковъ въ Москву, былъ Іона, послѣдній епископъ Брянскій, послѣ котораго Брянская епископія была упразднена. Заступившее Литву Московское владычество избавило навсегда нашъ край съ городомъ Карачевомъ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ Рима на православіе. Въ первое время Московскаго владычества надъ нашимъ краемъ Карачевъ цѣлое столѣтіе находился въ вѣдѣніи Смоленскихъ архипастырей, носившихъ титулъ „Смоленскихъ и Брянскихъ“.

---

[41]) Русск. Времянн. ч. 2, стр. 39—40.
[42]) Русск. Врем. ч. 2, стр. 198; Акты Западной Россіи т. I № 168.

IV.

Время Крымскихъ набѣговъ на окрестности г. Карачева въ первое время Московской зависимости.

Поводъ къ Крымскимъ набѣгамъ.—Главныя дороги Крымскихъ Татаръ.—Карачевскіе намѣстники.—Сторожевые посты въ Карачевскомъ уѣздѣ.—Курганы и городища.—Нѣкоторыя черты изъ церковнаго быта.—Одринъ Николаевскій монастырь.

Находясь подъ скипетромъ Московскихъ государей, г. Карачевъ испытывалъ многоразличныя бѣдствія: на первыхъ порахъ владычество надъ нимъ оспаривали Литовцы и не разъ опустошали его окрестности; потомъ онъ долженъ былъ ожидать постоянной грозы съ юга, со стороны Крымскихъ татаръ.

Не смотря на то, что Литовскій князь Александръ вынужденъ былъ при Іоаннѣ Васильевичѣ III уступить Москвѣ Сѣверское княжество, Литовцы все еще не желали навсегда разстаться съ Брянскомъ и Карачевомъ, почему и дѣлали частые набѣги на нашъ край даже послѣ 1508 года, когда пріобрѣтенія Іоанна III въ нашемъ краѣ были утверждены Сигизмундомъ. Такъ извѣстно, что въ 1534 году Литовцы, подъ предводительствомъ гетмана Юрія Радзивила, Кіевскаго воеводы Андрея Немировича и дворнаго конюшаго Василія Чижа, опустошали Карачевскія мѣстности и сожгли городъ Радогощъ [43]). Въ опустошительныхъ набѣгахъ Литовцамъ помогали Крымскіе Татары, бывшіе при Іоаннѣ III усердными союзниками Москвы, а теперь злобившіеся на великаго князя Московскаго Василія Іоанновича за то, что тотъ нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ на Смоленскъ. Крымскій ханъ Махметъ—Гирей простеръ свою дерзость до того, что требовалъ даже отъ Василія III возвращенія себѣ Карачева и другихъ сосѣднихъ съ нимъ городовъ, данныхъ будто бы отцомъ его Менгли Гиреемъ въ знакъ милости Московскому князю Іоанну III [44]). Съ того времени Карачевъ не зналъ уже покоя отъ Крымскихъ набѣговъ.

Въ XVI вѣкѣ Орловскій край представлялъ изъ себя южную окраину

[43]) См. Кн. Больш. Чертеж. стр. 3, 4, 5, 20. 44.
[44]) Ibd. стр. 4, 19—23, 36, 43, 56.

Московскаго государства, за которою далѣе залегали обширныя степи, дозволявшія Крымскимъ Татарамъ свободно проникать по четыремъ главнымъ дорогамъ въ нашъ край. Эти дороги были: *Муравская дорога*, или *Муравскій шляхъ*, ведшая Крымскихъ Татаръ отъ Бахчисарая, столицы хановъ, чрезъ нынѣшнюю Орловскую губернію къ Тулѣ, а отъ Тулы къ Серпухову и самой Москвѣ. Въ Орловской губерніи Муравская дорога проходила чрезъ два нынѣшнихъ уѣзда—Ливенскій и Елецкій, по направленію съ юга на сѣверо-востокъ, въ области двухъ рѣкъ, съ правой стороны р. Кишневой (Кшень), а съ лѣвой—р. Тима. Обѣ эти рѣчки впадаютъ въ р. Быструю Сосну [43]). *Дорога Колмiюская* вела Татаръ съ Царева—города на Валуйки (Воронеж. губ.), Осколъ (Курск. губ.) и Ливны, гдѣ она сходилась съ Муравскимъ шляхомъ [44]). *Пахнутцева* или *Пахнутцкая* дорога пролегала между дорогами—Муравскою, съ правой стороны, и Свиною—съ лѣвой; въ Орловской губерніи эта дорога проходила по юго-восточной части Малоархангельскаго и Мценскаго уѣздовъ, въ области р. Оки, съ лѣвой стороны, и Неручи—съ правой [45]). Наконецъ *Свиная дорога*, о которой было уже говорено выше. Этою послѣднею дорогою Татары приходили къ Карачеву и, раздѣлившись иногда на мелкіе летучіе отряды, предавались пѣшему грабежу въ окрестностяхъ Карачева. Такъ, въ 1565 году, подъ предводительствомъ Девлетъ-Гирея, татары опустошили восточные предѣлы Карачевскаго уѣзда и дошли до самаго Болхова [46]) Въ 1571 г. тотъ же Девлетъ-Гирей проходилъ съ своими полчищами по юго-восточнымъ предѣламъ Карачевскаго уѣзда, но не доходя до Карачева, своротилъ со Свиной дороги на Пахнутцову и простеръ свои опустошенія до самой Москвы.

Въ это время въ Карачевъ посылались отъ Московскаго царя намѣстники, которые обыкновенно содержались на средства самихъ жителей, что называлось *кормленіемъ*. Такъ, въ 1576 году намѣстникомъ въ г. Карачевѣ былъ А. Овчинъ—Плещеевъ, а въ слѣдующемъ 1577 г.—князь Иванъ Юрьевичъ Морткинъ. Въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ приводится одна изъ жалованныхъ грамотъ царя Іоанна Васильевича, данная въ ноябрѣ 1577 года князю Ивану Юрьевичу Морткину на предоставленіе ему г. Карачева въ *кормленіе*. Грамота эта гласитъ: „Се азъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, пожаловалъ есми князя Ивана Юрьевича Морткина городомъ Карачевомъ, въ кормленье, со всѣмъ по тому, какъ было за прежними намѣстники; и вы, люди того города,

[45]) Ibd. стр. 104—112.

[46]) Истор. Росс. Соловьева т. 6, стр. 287.

чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ и ходитъ у васъ о всемъ, по докладному списку, какъ было напередъ сего за прежними намѣстники“ [47]). На обязанности Карачевскихъ намѣстниковъ, кромѣ общаго вѣдѣнія и суда, лежала обязанность охранять городъ отъ непріятелей и оберегать уѣздныхъ людей отъ плѣна. Въ видахъ предосторожности отъ внезапныхъ нападеній, изъ Карачева, какъ и изъ другихъ городовъ, ставились *сторожи*, т. е. сторожевые посты, съ которыхъ можно было бы слѣдить за появленіемъ и движеніемъ непріятеля. Такіе пункты были: а) *сторожевой курганъ* у Свиной дороги, въ 7-ми верстахъ отъ города; б) въ Кромскомъ уѣздѣ, на *Молодовомъ городищѣ*, отъ Карачева въ 30-ти верстахъ. На Карачевскихъ сторожахъ „смѣстныхъ“ и „несмѣстныхъ“ стерегли дѣти боярскіе—Карачевцы, получавшіе за свою службу помѣстья и денежное жалованье; а также—бѣломѣстные казаки, по два человѣка, перемѣнявшіеся по-недѣльно. Сторожа находились на лошадяхъ. Завидѣвъ облака пыли, или другіе признаки появленія непріятелей, они должны были мчаться во весь опоръ въ городъ, чтобы своевременно доставить вѣсть. По такимъ вѣстямъ, Карачевскіе намѣстники высылали въ уѣздъ „биричей“ съ объявленіемъ всѣмъ спѣшить въ „осаду“, дабы „воинскіе люди безвѣстно на нихъ не напали и въ полонъ не взяли“. Иногда подобныя вѣсти заставали уѣздныхъ людей врасплохъ и тогда они принуждены бывали съ своими *животами* укрываться въ лѣсныхъ дебряхъ и другихъ скрытныхъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, въ концѣ XVI в., когда сѣть южныхъ укрѣпленій была выдвинута „въ поле“, Карачевъ пользовался еще достаточно свободнымъ временемъ для того, чтобы собрать уѣздныхъ людей въ осаду. Съ 1586 года его прикрывали уже Ливны и съ 1594 г.—Кромы, откуда также приходили вѣсти въ Карачевъ о движеніи Татаръ.

Въ лѣтописяхъ не упоминается ни объ одномъ случаѣ осады г. Карачева Татарами, что частію даетъ возможность заключать о значительности его укрѣпленій, особенно въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, когда, по случаю нападенія Девлетъ-Гирея, въ 1571 году, Карачевская *сторожа* была усилена [48]). Но если городъ Карачевъ подъ защитою своихъ укрѣпленій и избѣгалъ Татарскихъ погромовъ, за то многіе изъ уѣздныхъ его людей, не могшіе своевременно укрыться въ „осаду“, отводимы были въ плѣнъ и тамъ обращались въ рабство и продавались на рынкахъ, если не приходилъ за нихъ выкупъ съ Москвы.

[47]) Собр. государ. грамот. ч. I, стр. 69 № 46. Къ этой грамотѣ, писанной скорописью, привѣшена на малиновомъ шелковомъ шнуркѣ красная восковая печать.

[48]) Соловьевъ, т. 7 стр. 27—28.

Отъ этого тревожнаго времени остались еще и теперь, частію сохранившіеся, въ Карачевскомъ уѣздѣ курганы и городища, служившіе нѣкогда *засѣками*, т. е. мѣстами, приспособленными для обороны при нападеніи непріятелей; такія засѣки располагались частію въ лѣсахъ, а частію при переправахъ черезъ рѣки. Такъ, въ Ивановской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ села Ивановскаго [49]), по направленію къ д. Алексѣевкѣ, въ урочищѣ Городищѣ, сохранился *курганъ* четырехъугольной формы, окружностію въ 100 саж. Въ сѣверной и южной части кургана находятся ворота—противоположно другъ другу; на югѣ видны признаки гати чрезъ ручей Лубну. Въ Сомовской волости—два *кургана*, одинъ при д. Желѣзномъ Городищѣ, другой при д. Слободкѣ [50]). Въ Чичковской волости—*городище* близъ дер. Кольцовъ заводъ, въ 2-хъ верст. отъ него; форма городища четыреугольная, окружностію въ 230 саж.; помѣщено на высокомъ мѣстѣ, на берегу рѣч. Городеченки; съ сѣверной и восточной сторонъ окружено оврагомъ, а съ западной и южной небольшимъ окопомъ. Небольшой входъ имѣется съ сѣверной стороны [51]). Въ Знаменской волости—*городокъ* въ д. Водоцкомъ Городищѣ [52]), окружностію 106 саж., трехъугольной формы. Небольшой курганъ въ полѣ при д. Давыдовой. Въ Алисовской волости—*городище* въ с. Хотимлѣ, южнѣе церкви на 20 саж., кругообразной формы. Внутренняя площадь его имѣетъ въ поперечникѣ съ одной стороны 70, а съ другой—отъ востока къ западу 55 саженей, гдѣ и оканчивается небольшимъ прудомъ, за которымъ находится валъ съ источникомъ весьма хорошей воды. Поверхность площади ровная, съ небольшимъ возвышеніемъ къ югу. Городокъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ 10-ти саж. отъ небольшаго болота. Насыпной валъ въ длину имѣетъ 300 саж., а въ вышину 20 арш.; съ востока, сѣвера и запада этотъ валъ окруженъ рвомъ по 12-ти арш. въ глубину и ширину. На западъ, въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ городища, въ полѣ, находятся двѣ группы небольшихъ кургановъ,—въ первой ихъ три, а во второй четыре. Не въ очень отдаленномъ прошломъ ихъ было гораздо больше, но они уничтожаются, мало по малу, отъ ежегоднаго подпахиванья. Можно надѣяться, что и сохранившіеся скоро сравняются съ землею . . . [53]).

---

[49]) Въ 25 верст. отъ Карачева, по правую сторону почтоваго тракта изъ Карачева въ Болховъ.

[50]) *Желѣзн. Городищ.*—по лѣвую сторону Сѣвскаго тракта, отдѣляющагося отъ Трубчевскаго, въ 30 верст. отъ Карачева *Слободка* (Хитрово) тамъ же, въ 35 верст. Оба при р. Навлѣ.

[51]) *Кольцово*—по правую сторону почтоваго Трубчевскаго тракта въ 47 верст. отъ Карачева.

[52]) По правую сторону транспортной дороги изъ Орла въ Трубчевскъ, въ 43 верст. отъ Карачева.

[53]) *Хотимлѣ* (Хотымъ—по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ Карачева въ Болховъ, въ 25 верст. отъ Карач. Подробно отъ этихъ курганахъ—см. «Матеріалы для Исторіи и Статистики Орловск. губ.» А. Пупарева. Орелъ 1877 года, стр. 70—73.

Грозное время Татарскихъ набѣговъ не благопріятствовало и церковной жизни гор. Карачева съ его уѣздомъ. Извѣстно, что г. Карачевъ находился въ то время въ вѣдѣніи Смоленскихъ архипастырей; во весь періодъ зависимости Карачева отъ Смоленской каѳедры въ лѣтописяхъ ни разу не упоминается о томъ, чтобы Смоленскіе архипастыри когда-либо посѣщали нашъ край и лично обозрѣвали состояніе его церквей. Молчаніе объ этомъ лѣтописей, по всей вѣроятности, доказываетъ только то, что такихъ обозрѣній не было, да и быть не могло по обстоятельствамъ тогдашняго времени. Изъ предыдущаго видно, что предѣламъ нашего края тогда постоянно грозили съ одной стороны Литовцы и Поляки, съ другой—Крымскіе Татары; кромѣ того, лѣсное пространство отъ Смоленска до Карачева и Трубчевска наполнено было шайками воровъ и разбойниковъ, которые, подобно внѣшнимъ непріятелямъ, не щадили при своихъ грабежахъ никого и ничего,—грабили проѣзжающихъ, опустошали монастыри и церкви. Бѣдность церквей была поразительна: священные сосуды въ нихъ были обыкновенно деревянные и рѣдко оловянные, священныя облаченія приготовлялись изъ льна, а иногда и изъ рогожи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ сохранившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ преданіе о попѣ Рогожкѣ [54]). Священники ходили въ лаптяхъ, бараньихъ тулупахъ и ничѣмъ въ образѣ жизни не отличались отъ пахотныхъ людей. Но любовь къ иноческой жизни и въ это тяжелое для Карачевцевъ время не только не ослабѣвала, но, по видимому, усиливалась и создавала новые пріюты для искавшихъ созерцательной жизни и избѣгавшихъ суеты мірской. Такъ, кромѣ указанныхъ уже нами монастырей въ самомъ Карачевѣ, въ семи верстахъ отъ него, на рѣчкѣ Одринѣ, вмѣсто Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, упразднившагося, вѣроятно, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ обстоятельствъ, возникъ мужескій Николаевскій Одринъ монастырь, къ которому перешли всѣ права на владѣніе Одринскою землею, завѣщанною княгинею Евпраксіею въ пользу дѣвичьяго монастыря и приходскаго (села Одрина) причта. Въ 1602 году во владѣніи братіи Одринскаго монастыря совмѣстно съ приходскимъ причтомъ состояло 4132 десятины.

---

[54]) См. «Историч. Очерки г. Орла» Г. Пясецкаго, стр. 119—120.

V.

Бѣдствія смутнаго времени для г. Карачева и его уѣзда.

Положеніе г. Карачева при появленіи Лжедимитрія I-го.—Пребываніе въ Карачевѣ Лжедимитрія II-го.—Стоянка въ Карачевѣ Московскаго войска.—Сраженіе подъ Болховомъ и переходъ Карачева подъ власть Лжедимитрія II.—Опустошенія въ Карачевскомъ уѣздѣ.—Занятіе Карачева Литовскими людьми.—Сраженіе подъ Орломъ.—Новое нашествіе Литовцевъ.—Малочисленность Карачевскаго гарнизона и совершенное раззореніе города.—Судьба Карачевскихъ монастырей и церквей.

Смутное время Самозванцевъ отозвалось на городѣ Карачевѣ большими бѣдствіями, чѣмъ всѣ погромы Татарщины. Извѣстно изъ исторіи, что разстрига-діаконъ Гришка Отрепьевъ, спасаясь отъ преслѣдованія царя Бориса Годунова, бѣжалъ изъ Москвы въ Карачевъ, а изъ Карачева, на нанятой имъ подводѣ,—въ Брянскъ и далѣе въ Литву. Возвращаясь изъ Литвы съ набраннымъ противъ царя Бориса войскомъ, онъ былъ задержанъ подъ Новгородсѣверскомъ. Въ это время чрезъ Карачевъ къ Брянску постоянно проходили полки царя Бориса. Сѣвскъ и Кромы тогда же поддались Лжедимитрію I-му; но Карачевцы, находясь въ тылу Московскаго войска, оставались вѣрными присягѣ, данной Годуновымъ, до тѣхъ поръ, пока не перешла на сторону Самозванца вся Московская рать, стоявшая подъ Кромами. Тогда, наконецъ, вмѣстѣ съ Орлянами и жители Карачева поднесли Самозванному царевичу хлѣбъ-соль и, съ колокольнымъ звономъ, провозгласили воцареніе Самозванца. Первая гроза смутнаго времени прошла для города Карачева благополучно; жители его уѣзда не раздѣляли участи съ своими сосѣдями—сѣвчанами и кромчанами, которыхъ Московскіе воеводы за преданность Самозванцу подвергали всевозможнымъ истязаніемъ: вѣшали по деревьямъ, били кольями, разстрѣливали изъ луковъ, топили въ рѣкахъ и т. п. Болѣе видную роль пришлось имѣть Карачеву при Лжедимитріѣ II-мъ, и за то выпало тогда на долю Карачевцевъ много бѣдствій.

Объявившись въ Стародубѣ Сѣверскомъ, Лжедимитрій II съ небольшимъ отрядомъ *вольницы,* состоявшей изъ Литовцевъ и казаковъ чрезъ Брянскъ двинулся на Карачевъ, взялъ его и повернулъ оттуда къ Козельску.

На этомъ пути онъ встрѣтился съ Московскимъ отрядомъ; произошла битва, и Московскіе люди были разбиты Самозванцемъ. Послѣ этой удачи Самозванецъ съ значительною добычею возвратился въ Карачевъ и, какъ видно, думалъ сдѣлать его временною своею резиденціею, пока подойдутъ къ нему подкрѣпленія изъ Литвы и Польши; но тутъ Литовскіе люди, бывшіе съ Самозванцемъ, заспорили изъ—за добычи и думали уйти отъ него. „Димитрій, говоритъ Костомаровъ, былъ не предпріимчиваго и не храбраго нрава, и при томъ подозрителенъ". Онъ сообразилъ, что Поляки его оставляютъ, а русскимъ нельзя довѣряться. Взявши одного поляка, по имени Кроликовскаго, да нѣсколько Московскихъ людей, онъ бѣжалъ тайкомъ въ Орелъ. Въ Орлѣ легъ онъ спать въ одной избѣ съ Кроликовскимъ и съ однимъ Московскимъ человѣкомъ. Ночью Московскій человѣкъ вынулъ ножъ, зажегъ свѣчу и пошелъ къ Дмитрію. Но Дмитрій не спалъ. Кроликовскій лежалъ, приклонивши голову на колѣнахъ Димитрія. Димитрій толкнулъ Кроликовскаго, тотъ вскочилъ, а Московскій человѣкъ уронилъ свѣчу, поскорѣе легъ, и притворился спящимъ. На другой день Димитрій хотѣлъ бѣжать подальше. Но тутъ за нимъ прислалъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ и увѣщевалъ воротиться. Димитрій пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ: раздумывалъ такъ-и-сякъ, и, наконецъ воротился въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему и думаютъ только о добычѣ, а Московскіе люди готовы, при первомъ случаѣ, выдать его. Сообразивши все это, Димитрій опять тайно убѣжалъ. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился нѣкто Валавскій, шедшій изъ Украины отъ знатнаго папа, князя Романа Ружинскаго, съ помощію въ тысячу человѣкъ; да Самуилъ Тышкевичъ, ведшій съ собою украинскую вольницу. Вслѣдъ за ними явились къ Димитрію изъ Браславскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хруслинскій и князь Адамъ Вишневицкій. Съ этими новыми силами Димитрій воротился опять къ Карачеву [55]). Теперь съ нимъ было уже до 15-ти тысячъ войска: тысячъ семь поляковъ да тысячъ восемь казаковъ, съ передавшимися на его сторону крестьянами. Съ этими силами, по совѣту Липовскаго, Лжедимитрій выступилъ изъ Карачева къ Трубчевску, а отсюда устремился для завоеванія Брянска. Такъ какъ на помощь Брянску подоспѣли царскіе воеводы: бояринъ, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ изъ Москвы и Литвинъ Мосальскій изъ Мещовска, то полчищамъ Лжедимитрія II не удалось овладѣть Брянскомъ Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ самозванцемъ князь Ку-

[55]) Вѣстникъ Европ. 1866 г. Сентябрь «Царь Василій Шуйскій и воры» И. Костомарова стр. 76.

ракинъ, въ виду наступившей зимы, оставилъ Брянскъ, снабдивши его припасами, и засѣлъ въ Карачевѣ.

Въ свою очередь и Самозванецъ, не могши взять Брянска, отправился на зимовку въ Орелъ. Это было въ Декабрѣ 1608 года. Куракинъ въ Карачевѣ, а Лжедимитрій въ Орлѣ провели всю зиму, и, какъ видно, не безпокоили другъ друга, тѣмъ болѣе, что зима была тогда необыкновенно суровая и снѣговъ нанесло весьма много.

Къ Лжедимитрію подходили новыя подкрѣпленія изъ Литвы и Польши, а на помощь Куракину собиралась въ Болховѣ царская рать подъ предводительствомъ царскаго брата, князя Димитрія Ивановича Шуйскаго. Въ это время Карачевъ съ Болховомъ и Орелъ представляли изъ себя два враждебныхъ лагеря. Жителямъ Карачевскаго уѣзда приходилось теперь не разъ платиться за свою расположенность къ Орловскому царьку, который изъ Орла возбуждалъ ихъ подметными грамотами и льстилъ разными вольностями. Особенно свирѣпствовала здѣсь татарская и мордовская конница, отправленная царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ Сѣверскую землю для грабежа и наказанія виновныхъ въ возмущеніи жителей.

Между тѣмъ, къ веснѣ 1608 года, въ Болховѣ и Карачевѣ съ ихъ окрестностями собралось уже до 70-ти тысячъ царскаго войска. Предположено было напасть на Лжедимитрія въ Орлѣ; при чемъ на помощь князю Димитрію Шуйскому долженъ былъ выступить изъ Карачева и князь Куракинъ. Но Самозванецъ предупредилъ соединеніе своихъ враговъ, и 10 мая далъ битву Шуйскому верстахъ въ 10-ти отъ Болхова. Московское войско поколебалось, но, подоспѣвшій во-время съ свѣжими силами изъ Карачева, князь Куракинъ остановилъ успѣхи торжествующаго непріятеля. На другой день сраженіе возобновилось снова, и Московское войско было разбито на голову. Тогда и Карачевъ съ Болховомъ дали присягу на вѣрность Лжедимитрію и служили ему людьми, разными припасами, подводами и деньгами.

Утвердившись въ Тушинѣ, близъ самой Москвы, Лжедимитрій II перехватилъ къ себѣ Марину Юрьевну Мнишекъ, бывшую въ замужествѣ за Лжедимитріемъ I; а отцу ея, Сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишекъ, особою граматою, въ числѣ 14-ти городовъ Сѣверскаго княжества, предоставилъ во владѣніе и городъ Карачевъ со всѣми его волостями [56]). Впрочемъ, такъ какъ Самозванцу не суждено было царствовать на Москвѣ и скоро потомъ онъ былъ убитъ въ Калугѣ, то въ дѣйствительности Карачевъ и не подчи-

[56]) Собран. госуд. грамотъ и договоровъ ч. II стр. 362—3. Жалованная грамота отъ 1609 г. № 180.

нялся Юрію Мнишекъ. Кромѣ безчисленныхъ въ это время поборовъ въ пользу Лжедимитрія, Карачевскій уѣздъ страдалъ еще отъ польскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ независимо отъ Лжедимитрія. Опустошенія эти были такъ велики, что многія села были совершенно выжжены и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ почти не оставалось жителей.

Со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича бѣдствія смутнаго времени начали проходить, но надъ Карачевомъ долго еще тяготѣли политическія невзгоды. Карачевъ все еще находился въ рукахъ Литовцевъ, а потому и не могъ участвовать вмѣстѣ съ Брянскомъ, Мценскомъ и Ливнами въ самомъ торжествѣ избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Къ тому же и Крымскіе татары, пользуясь „безнарядьемъ“ въ Московскомъ государствѣ, въ 1614 году, открыли губительные свои набѣги на Карачевскій уѣздъ,—побрали много въ плѣнъ людей, а села пожгли. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ селъ — по писцовымъ книгамъ—были: село *Муратово* съ церковію св. великомученика Никиты; *Новоселки*, на рѣкѣ Вытебеди, съ церковію св. Димитрія Солунскаго и съ придѣломъ Страстотерпца Христова Георгія; *Хотимль*, на колодцѣ (ручьѣ) Хотимскомъ съ церковію Успенія Пресвятыя Богородицы и съ придѣломъ св. Пятницы (Параскевы—праздн. 28 окт.); погостъ на рѣчкѣ Рыдани съ Пятницкою же церковію; *Уское*, на рѣчкѣ Слѣнкѣ Челищѣ, Неучитковское (?) тожъ, съ церковію Рождества Пресвятыя Богородицы; *Кислино*—съ Богоявленскою церковію; село *Никольское*, Сомово тожъ, съ церковію св. Чудотворца Николы; *Льски*—съ церковію во имя Флора и Лавра; *Соколово*—съ церковію Рождества Пресвятыя Богородицы. Всѣ эти села послѣ опустошительныхъ на нихъ набѣговъ обратились уже въ незначительные *погосты, поселки* и *починки*, гдѣ, по мѣстамъ, въ замѣнъ церквей воздвигнуты были часовни (напр. въ *Льскахъ*). Въ другихъ селахъ, какъ то: въ *Бурдъковѣ*, что подъ Бурдьковымъ лѣсомъ, съ церковію св. Николая Чудотворца; въ селѣ *Верховичахъ*, на Вѣломъ Колодцѣ, съ церковію Воскресенія Христова; въ *Лыговѣ*, что на Вытебеди, съ церковію Живоначальныя Троицы и съ придѣломъ Крестителя Господня Іоанна Предтечи; въ селѣ *Петрушковѣ* съ церковію Рождества Христова, да съ другою теплою—Живоначальныя Троицы съ придѣломъ святыхъ чудотворцевъ Космы и Даміана (въ имѣніи Семена Веревкина); въ селѣ *Работъковѣ* съ церковію св. Николы Чудотворца,—хотя и уцѣлѣли церкви, почти всѣ построенныя „клѣтски“, но всѣ онѣ стояли безъ „пѣнія“,-потому что не откуда было получать священниковъ для этихъ

церквей [57]), такъ какъ сношенія города Карачева по дѣламъ церковнымъ съ своимъ каѳедральнымъ городомъ Смоленскомъ прекратились со времени осады и взятія послѣдняго польскимъ королемъ Сигизмундомъ III.

Такимъ образомъ нужно было очищать Московское государство отъ многочисленныхъ враговъ. Въ томъ числѣ надо было выручать и городъ Брянскъ, томившійся въ осадѣ отъ Литовскихъ людей. 23-го Декабря 1614 года велѣно было Мценскому воеводѣ, князю Юрію Ивановичу Шеховскому идти въ Карачевъ и тамъ собраться съ силами на помощь Брянску. Но въ то время, какъ Шеховской медленно собирался съ своею ратью, Литовскіе люди, какъ доносилъ послѣ изъ Болхова воевода Степанъ Волынскій, — пришедши изъ-подъ Брянска къ Карачеву *безвѣстно,* взяли городъ, перебили ратныхъ людей, захватили въ плѣнъ самого воеводу Шеховскаго и утвердились въ Карачевѣ. Во главѣ засѣвшей тогда въ Карачевѣ дружины стоялъ отважный литвинъ полковникъ Лисовскій. Нужно было очищать теперь и самый Карачевъ.

И вотъ, 13 Іюня 1615 года посланъ былъ противъ Лисовскаго подъ Карачевъ и Брянскъ знаменитѣйшій воевода того времени, боярин князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, съ воеводою Степаномъ Ивановичемъ Исленьевымъ да дьякомъ Семеномъ Заборовскимъ; съ ними было до семи тысячъ человѣкъ. Когда Лисовскій узналъ, что изъ Болхова противъ него идетъ Московское войско, то, не желая выдерживать осады въ Карачевѣ, зажегъ городъ и бѣжалъ въ Орелъ. Изъ Карачева къ Орлу онъ шелъ „верхнею дорогою" и, не доходя нѣсколькихъ верстъ до Орла, встрѣтился съ передовымъ отрядомъ князя Пожарскаго, находившимся подъ начальствомъ воеводы Исленьева, и обратилъ его въ бѣгство. Затѣмъ напалъ на самаго Пожарскаго, съ которымъ въ это время оставалось всего до шестисотъ человѣкъ; — бой былъ упорный, но не равный... Одушевляя немногочисленныхъ своихъ соратниковъ, Димитрій Михайловичъ говорилъ имъ: „всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ"!... Огородившись телѣгами, онъ отбилъ всѣ приступы непріятеля, численность котораго простиралась до трехъ тысячъ человѣкъ. Тогда Лисовскій, прекративъ бой, раскинулъ свой станъ въ 2-хъ верстахъ отъ Пожарскаго. Между тѣмъ ночью успѣли собраться въ обозъ Пожарскаго бѣглецы, и Пожарскій двинулся на Лисовскаго. Послѣдній не осмѣлился дать ему битву, поспѣшно снялся съ лагеря и отступилъ къ Кромамъ, а изъ Кромъ, мимо Карачева и Болхова, бѣжалъ за

[57]) «Списокъ съ выписи писцовыхъ Карачевскихъ книгъ письма и мѣры писца Константина Пущина да подъячаго Бориса Иванова» 1626 г.

предѣлы нашего края. Такимъ образомъ Карачевъ былъ очищенъ отъ „лисовчиковъ“. Но въ слѣдующемъ, 1616 году, Литовцы опять наводнили Карачевскій уѣздъ и овладѣли самимъ городомъ; при чемъ Карачевскій воевода Григорій Ѳеодоровичъ Колтовскій былъ убитъ. Снова противъ Литовцевъ отправлены были изъ Москвы воеводы Михаилъ Дмитріевъ и Дмитрій Скуратовъ. Въ происшедшемъ близъ города Болхова сраженіи воевода Дмитріевъ палъ, но Московскимъ людямъ удалось все-таки прогнать изъ нашихъ предѣловъ Литовцевъ. Повоевавъ Карачевскія и Кромскія мѣста, Литовцы удалились къ Курску.

Какъ велико было раззореніе въ это время Карачевскаго уѣзда, видно изъ того, что въ 1616 году при воеводѣ Иванѣ Юрьевичѣ Ловчиковѣ, преемникѣ убитаго Колтовскаго, въ городѣ Карачевѣ находилось всего 35-ть человѣкъ стрѣльцовъ да 70 человѣкъ казаковъ. Въ 1617 году, по случаю продолжавшейся войны съ Литвою и Польшею, стянуты были въ городъ всѣ силы уѣзда, и вотъ эти силы: дѣтей боярскихъ—Карачевцевъ 196 чел., стрѣльцовъ—11 челов., казаковъ—15 челов., пушкарей—4 и посадскихъ людей 5 человѣкъ; всего 231 челов. Въ виду такой малочисленности Карачевскаго гарнизона велѣно было послать сюда съ Черни [58]) сто человѣкъ казаковъ; и того, слѣдовательно, въ городѣ Карачевѣ было 331 человѣкъ. Острога, т. е. крѣпости Карачевской, теперь уже не существовало; оставалась одна только *осыпь;* возобновлять же городъ было не по средствамъ уѣзда... Потому—то въ Октябрѣ 1618 года бояре приговорили раззорить вовсе Карачевъ, а людямъ, въ немъ находившимся, велѣно было перейти въ г. Болховъ. По отпискѣ Карачевскаго воеводы, князя Романа Ивановича Гагарина, въ это время было въ Карачевѣ: дѣтей боярскихъ 16 человѣкъ, стрѣльцовъ—11, казаковъ—15, пушкарей—4 и посадскихъ людей 3 человѣка.

Когда, такимъ образомъ, замерла въ Карачевѣ политическая жизнь,—не стало въ немъ церквей и монастырей. Иноки Воскресенскаго монастыря или Тихоновой пустыни нашли себѣ пріютъ въ Свѣнскомъ монастырѣ, въ синодикѣ котораго подъ 1626 годомъ записано имя Карачевскаго Воскресенскаго монастыря игумена Павла съ родомъ его, а другой Карачевскій черный священникъ Іона былъ даже свѣнскимъ игуменомъ между 1624 и 1640 гг. [59]). Крестьяне бывшаго Воскресенскаго монастыря частію были избиты, а частію взяты въ плѣнъ, и монастырскія земли никѣмъ не обра-

[58]) Нынѣ городъ Тульск. губ.
[59]) «Брянскій Свѣнск. Успенск. мон.» Архимандр. Іероѳея, стр. 181—184.

батывались. Мельница монастырская, стоявшая подъ монастыремъ на р. Снѣжети, была сожжена Литовскими людьми. Дворъ монастырскій—на самой городской осыпи—былъ сожженъ и отъ него оставалось пустопорожнее мѣсто, имѣвшее въ длину 13 саж., а поперекъ—10. Точно также и поварье Свѣнскаго монастыря, находившееся на Карачевской городской осыпи, было уничтожено; оно имѣло 11 саж. длины и 8—поперекъ Церковь страстотерпца Димитрія Солунскаго утратила также свою женскую обитель; отъ нея осталось „порозжее“ мѣсто въ 35 саж. длины и 28—поперечины, гдѣ жили прежде *черницы*. Точно также не стало въ Карачевѣ церквей: св. Великомученика Георгія, святыхъ Женъ Мироносицъ, церкви св. Пророка Иліи съ домомъ при ней, гдѣ жили „нищіе“ и „кормились“ отъ церкви Божіей, и церкви Успенія Пресвятыя Богородицы. Наконецъ и келіи, находившіяся при церкви Живоначальныя Троицы въ с. Льговѣ и, вѣроятно, служившія пріютомъ для иноческой жизни, были разворены такъ, что отъ нихъ оставалось лишь два пустопорожнихъ мѣста [60]).

И такъ, въ 1618-мъ году на мѣстѣ древняго Карачева видны были лишь груды пепла и развалинъ,—нѣмые и плачевные памятники кипѣвшей здѣсь нѣкогда жизни и дѣятельности! Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, городу Карачеву суждено было не долго лежать подъ своими развалинами.

Конецъ 1-й части.

Перепечатано изъ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1888 года.

[60]) «Списокъ съ выписи писцовыхъ Карачевскихъ книгъ письма и мѣры писца Констант. Пущина»... 1826 г.